

ЕЛЕНА
МИХАЛКОВА

Нет кузнечика в траве

Елена Ивановна Михалкова
Нет кузнечика в траве
Серия «Расследования Макара
Илюшина и Сергея Бабкина», книга 22

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28719224

Е. И. Михалкова. Нет кузнечика в траве: ООО «Издательство АСТ»;

Москва; 2018

ISBN 978-5-17-097458-0

Аннотация

Чужая жизнь – айсберг: наблюдателю видна лишь малая часть. Но какие тайны скрываются в глубине? Какие подводные течения несут его, и какими бедствиями грозит встреча? В благополучной на вид семье исчезает жена, и муж становится первым подозреваемым в ее смерти. Узел могут распутать детективы Макар Илюшин и Сергей Бабкин. Но для этого им придется нырнуть в темные воды прошлого и понять, что вмерзло в основание ледяной глыбы.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	31
Глава 3	55
Глава 4	76
Глава 5	117
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Елена Михалкова

Нет кузнечика в траве

© Михалкова Е., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

*** * ***

Глава 1

Греция, 2016

1

Гаврилов подошел к окну, стараясь ступать бесшумно, чтобы не разбудить жену. Начинало светать. Перед отелем лежало море и, казалось, тоже дремало, как и большинство постояльцев в этот ранний час.

Оделся он быстро. Схватил с сушилки полотенце и побегал вниз: с третьего этажа по лестнице, затем еще сто пятнадцать ступенек к морю, упиваясь своей ловкостью, – трр-р-р-р! – словно перебираешь клавиши аккордеона.

Он в детстве играл. Сохранилась фотография, где Гаврилов сидит на табуреточке, смехотворно маленький по сравнению с огромной лаковой пастью аккордеона, и стриженная его голова едва торчит над мехами.

«Нужна мне была эта музыка? – думал Гаврилов, стягивая футболку. – Ходил ведь, занимался... Помнится, лупили меня пару раз по дороге в школу».

Он посмотрел на свежий синяк слева под ребрами и поморщился.

Однако вскоре уже отмахивал свою тысячу метров по за-

ливу. Не полагалось нарушать границу из красных буйков, но Гаврилов из чувства противоречия всегда подныривал под канат. Никто не будет указывать, где ему плавать.

На берегу он насухо вытерся, окинул взглядом синюю гладь. Ни рыбацких лодок, ни катеров, которые изредка вывозят туристов половить большую рыбу. Местные заламывают за поездку такую цену, что состоятельные немцы и англичане, уже предвкушавшие улов, недоуменно вскидывают брови.

Торговаться бесполезно. Местные жадны и ленивы, да-ром что весь этот благословенный край обеднел и корчится в припадках экономических болезней.

Гаврилов скривился: греков он не любил. Бездельники, и кухня так себе. В полдень возле отеля открывались три та-верны. И отовсюду несло жареной сардиной, или окунями, или еще черт знает какими пучеглазыми тварями, которые даже мертвые смотрели на Гаврилова так, словно лишь по недоразумению в корытце колотого льда оказались они, а не он.

Ни за что бы не приехал сюда, если б не Ольга.

– Калимера!

На стойке регистрации молодая горничная расставляла цветы.

Он буркнул в ответ «Доброе утро» и свернул к лифту. Спohватился: надо было попросить у девчонки бутон для

жены. Но двери уже захлопнулись. Урчащий механический ящик с такой торжественной медлительностью вознес его на третий этаж, словно вышел далеко за пределы своих рабочих обязанностей и теперь ждал чаевых.

Вот что еще злило его. Этот запущенный отель, стоящий вдалеке от достопримечательностей и трасс, словно пытался утвердить главенство над обитавшими в нем людьми. Антропоморфизм был Гаврилову чужд. Он высмеял бы любого, кто посмел бы предположить, будто он наделяет ветхое здание душой.

Тем неприятнее было ловить себя на ощущении, что он пленник враждебного существа, следящего за каждым его шагом.

Гаврилов был рациональным человеком. Он прекрасно осознавал, что все дело в профессиональной непригодности управляющего и распушенности персонала. Но не мог отделаться от мысли, что это место развращает людей.

В первый же день отпуска, ужиная на открытой террасе, Гаврилов попросил менеджера поставить ширму. С моря дуло так, что казалось, с него вот-вот сорвет не только одежду, но и плоть, и на стуле останется объединенный хищным ветром скелет.

– Ширма? – удивился менеджер. – Нет, сэр, у нас нет никаких ширм. Вы можете вернуться в ресторан.

– Там кондиционер, – сквозь зубы сказал Гаврилов. – А здесь дует.

При слове «дует» официант обрадованно закивал, наклонился и доверительно шепнул:

– Это море, сэр. Здесь так и должно быть.

Ольга тогда засмеялась.

А Гаврилов не понимал, что здесь смешного, и внятно объяснил ей: это туристическое место, пусть и малоизвестное; оно существует за счет него и ему подобных; следовательно, здесь все должно быть устроено так, как хочет клиент.

Смех жены всерьез его задел. Он горячился, размахивал руками, уронил вилку, и та зазвенела по мраморным плитам, словно тоже хихикала над ним.

– В конце концов, можно поужинать в номере, – примирительно сказала Ольга. Но дело ведь было не в ужине и не в номере, а в том, что он был прав, тысячу раз прав, а она отказывалась это признать и, значит, играла на стороне противника: официанта, вилки и ветра.

Он высказал ей и это.

– Официанта, вилки и ветра? – переспросила жена.

И вдруг захохотала. Она хохотала так, что им пришлось уйти с террасы, потому что на них начали коситься, и продолжала хохотать как сумасшедшая, пока он тащил ее по коридору. Она не замолчала и возле стойки регистрации. Только в номере ему удалось ее успокоить.

– Чертов отель, – пробормотал Гаврилов.

Лифт издал мелодичное восклицание, означавшее, что

они наконец-то добрались до третьего этажа. Вместо того чтобы выйти, Гаврилов с мстительной радостью вмял пальцем в панель кнопку с цифрой «1». Давай, валяй обратно! Он осознавал, что его поведение нелепо. Но на губах играла удовлетворенная ухмылка, когда лифт, кряхтя и громокая механическими суставами, потащился вниз.

Горничная уже ушла. Спросить разрешения было не у кого, и Гаврилов молча вытащил из букета цветок, похожий на пион. На обратном пути не стал пользоваться лифтом, а поднялся по лестнице.

Войти в номер. Склониться над спящей Ольгой. Положить цветок на подушку, чтобы первым, что она увидит при пробуждении, оказались розовые лепестки.

Он толкнул дверь и замер: постель была пуста.

– Оля?

Внезапно его окатило волной безотчетной тревоги. Отель, о котором он думал как о затаившемся недоброжелательном существе; его дурацкая выходка с лифтом; наконец, неожиданное отсутствие жены, которая в ранний час еще должна была спать, – всё это слилось в жутковатую картину, абсурдную, но не лишенную внутренней логики.

Страх сменился облегчением, едва он увидел полосу света из щели под дверью уборной.

Гаврилов перевел дыхание.

– Эй, всё в порядке? – Он легонько постучал.

В ответ на его прикосновение дверь медленно распахну-

лась. За ней оказалось пусто. Только из зеркала испуганно смотрел небритый мужчина лет пятидесяти, с полотенцем на плечах и цветком в руке выглядевший как персонаж идиотской комедии.

– Оля, ты где?

Он выбежал на балкон. С замиранием сердца перегнулся через перила. Внизу зеленела лужайка, за ней сплелись колючими ветвями кусты – естественная преграда перед скалистым обрывом.

Гаврилов выглянул из другого окна. Чистильщик в панаме сомнамбулически бродил вокруг синего прямоугольника бассейна, волоча за собой сачок.

Ольги не было.

Он быстро обшарил вещи. Телефон под подушкой. Фотоаппарат на подоконнике, рядом с биноклем. Из одежды ничего не взято, обувь на месте.

Гаврилов сбежал вниз, к лобби, и долго звонил в колокольчик, пока к нему не вышел заспанный менеджер с глубокими отпечатками подушки на лице, похожими на шрамы, оставленные сновидениями. Мадам нет в номере? И что же? Нет, он не видел мадам, но уверен, что с ней всё в порядке. Возможно, она спустилась в бар выпить кофе.

– Ваш бар работает с двенадцати, – еле сдерживаясь, процедил Гаврилов.

Менеджер выразительно пожал плечами.

– Значит, она купается, – заверил он, улыбкой показывая,

что проблема решена.

Гаврилов поймал за рукав идущую мимо горничную.

– Вы не видели мою жену?

Девушка тоже предположила, что Ольга пошла на море. Или решила прогуляться ранним утром. Она ведь, кажется, фотограф?

Гаврилов обежал небольшую территорию, поросшую соснами, заглянул в общественные туалеты. На парковке под тентом какая-то старуха упаковывала вещи в багажник «Фиата». Но и она отрицательно покачала головой в ответ на его расспросы.

Испуганный и злой, Гаврилов вернулся в номер. В нем теплилась надежда, что жена будет там и недоразумение вот-вот разъяснится.

Ольга не появилась.

Следующие два часа слились в вязкий кошмар. Он побывал на берегу моря, хотя твердо знал, что к воде она не спускалась. Бегал по камням, выкрикивая: «Детка! Детка!» Вернувшись, еще раз осмотрел отель.

Повара удивленно наблюдали, как он обыскивает закутки на кухне. Гаврилова сопровождал менеджер с приклеенной улыбкой, твердя, что тот напрасно волнуется.

Подошло время завтрака. Постояльцы подтягивались к лобби, точно сонные рыбы к кормушке. Гаврилов всматривался в них, ощущая себя потерявшейся на вокзале собакой.

В девять часов он потребовал вызвать полицию.

Его пытались вразумить. Сначала мягко, потом настойчиво, взмахивая руками и наперебой убеждая, что он придает чрезмерное значение пустякам. Мадам ушла гулять!

– Без обуви? – рычал Гаврилов.

Возможно, он помнит не все ее туфли.

– В пижаме?

Сегодня очень жаркий день.

– Тогда почему она до сих пор не вернулась?

– Купается, – пожали плечами окружавшие его люди.

Гаврилов обвел взглядом их лица. Ему показалось, что у каждого сквозь маску снисходительного сочувствия пробивается насмешка.

– Вызывайте полицию, – хрипло повторил он. – С ней что-то случилось.

Девять дней спустя

2

Самолет из Москвы приземлился в аэропорту города Салоники в девять утра. В числе ступивших на трап было двое: худощавый юноша с обаятельной улыбкой и огромный, как медведь, коротко стриженный мужчина в джинсах и мятой футболке. Юноша, оказавшись под солнцем Греции, нахлобучил на голову сомбреро, подаренное ему попутчицами. Мужчина смерил его насмешливым взглядом и вытащил из

сумки черную бейсболку.

В таком виде они предстали перед службой паспортного контроля. Сотрудник пограничной службы попросил обоих снять головные уборы и заглянул в паспорта.

Юношу с сомбреро звали Макар Илюшин. Хмурого здоровяка, мывшего в руках кепку, – Сергей Бабкин.

– Цель прибытия? – заученно спросил пограничник.

– Отдых, – весело ответил юноша.

– Его отдых, – мрачно ответил мужчина, кивнув в сторону Илюшина, уже прошедшего контроль.

Высокое небо. Густое душноватое тепло. Многоголосый стук тележек по тротуару.

Лишь с пятым по счету такси им повезло. Водитель, услышав о пункте назначения, помялся и кивнул. Когда загрузились, стало ясно, что внутри не работает кондиционер.

– Пить хочется, – сказал Сергей. – Давай попросим остановиться на заправке, я куплю какую-нибудь колу. Сколько нам ехать?

– Часа три.

Шофер припарковал машину и молча вышел. Хлопнул багажник. Мужчина вернулся в салон и протянул Сергею литровую бутылку с водой.

– Говоришь по-русски? – спросил Макар.

Тот усмехнулся.

– Пятнадцать лет на русской женат. – В речи явственно звучал акцент. – Говорю по-русски, понимаю по-русски.

Молчать тоже скоро буду по-русски.

Они тронулись, быстро набирая скорость. Дорога в очередной раз вильнула, и за поворотом открылось море – неожиданное, как подарок без повода. Оно походило на растянутую до горизонта синюю фольгу, местами смятую, с заломами и морщинами. Солнечные лучи отскакивали от нее, как мячики, и разлетались во все стороны, так что глазам было больно смотреть.

Сергей все равно смотрел.

– Красота какая, – сказал Илюшин.

– Ни ты, ни я не знаем языка, – помолчав, сказал Бабкин. Ветер врывается в приоткрытые окна, дергал за одежду, как назойливый нищий.

– Чувствуешь, соснами пахнет! – Макар будто не слышал его замечания.

– Это освежитель. Ты понимаешь, что мы на каждом шагу будем нарушать местные законы?

– И тепло!.. – Илюшин потянулся на заднем сиденье. – Наконец-то тепло. Говорят, в Сибири снег выпал. В июне.

– На то она и Сибирь, – рассеянно сказал Бабкин и стал смотреть в окно.

Он не любил авантюры. А больше всего не любил авантюры, заканчивающиеся неудачами.

Они ехали не три часа. Вдоль моря, по серпантинам, мимо длинных теплиц и сосновых рощ, мимо пыльных деревень,

в которых перед тавернами курили старики, мимо плантаций олив, росших безупречно ровными рядами, точно гигантская петрушка, – так долго, будто время потерялось где-то среди апельсиновых деревьев, как подросток, гоняющий мячики недозрелых плодов.

Сергей сначала ерзал, потом отодвинул сиденье до упора, откинул спинку... Он ненавидел путешествия за необходимость упаковывать себя в ячейки недружественного пространства, предназначенные для тел совсем другого калибра. Кресла в самолете казались ему спроектированными с расчетом, что в них будут сидеть хорьки. В проходах он невольно чувствовал сходство с огромным соленым помидором, который пытаются протащить через узкое баночное горлышко. Вставая с места, Сергей неизбежно ударялся головой о багажную полку и даже не знал, что злит его сильнее: боль, приглушенные смешки или сочувственные взгляды.

Материальный мир упорно напоминал, насколько он здесь неуместен, и Сергей без капли иронии полагал, что платить за авиабилеты в его положении – верх издевательства.

Он обернулся к Илюшину. Тот растянулся на заднем сиденье и безмятежно дремал, прикрыв лицо подаренной шляпой.

Море, рощи, море, рощи, море... Когда однообразие пейзажа нарушилось холмом, у подножия которого белели дома, Сергей вынырнул из своего полузабытья. Вскоре открылся

невысокий отель, увитый розовой бугенвиллеей. Центральный вход был украшен двумя гигантскими амфорами, претенциозными, нелепыми и в то же время грозными в этой нелепости, – как напоминание о богах, некогда бродивших по высохшей земле среди смертных, а ныне оставшихся только в виде рисунков на обожженной глине.

– Прибыли, – сказал Бабкин и обернулся.

Илюшин уже сидел, крутил головой, и в ясных серых глазах не было ни капли сна.

В вестибюле отеля, прохладном и пустом, им навстречу поднялся грузный мужчина.

– Гаврилов, Петр Олегович. Спасибо, что приехали.

Сергей увидел одутловатого человека с тем едва заметным выражением брезгливости на лице, которое свойственно людям, облеченным властью. Из досье Бабкин помнил, что Петр Гаврилов, прежде чем уйти в крупную нефтяную структуру, служил в управе одного из московских районов. Его прочили на место главы, когда вокруг управы разразился скандал. Стремительно закрутившимся смерчем сплетен и газетных статей на обозрение публики выносило то мебель для школ, которую Гаврилов якобы заказал по цене в сорок раз выше реальной, то пандусы для инвалидов, по которым не могла въехать ни одна коляска, то безродных собак, выгнанных вместе с волонтерами, чтобы на месте приюта мог открыться ресторан «Русское застолье».

«Почти каре, – сказал Илюшин, изучив краткую биогра-

фическую справку будущего клиента. – Школьники, калеки и дворняжки. Странно, что упустили пенсионеров». – «Не веришь, что Гаврилов действительно этим занимался?» – «Отчего же? Но больше похоже на заказ. Кто-то его выдавил. Ладно, нас это не касается».

Тогда Бабкин решил, что Макар прав. Однако при первом же взгляде на Петра Гаврилова он ощутил родство с оскорбленными инвалидами и лишенными крова собаками. Стоящий перед ним человек не просто был когда-то типичным чиновником – что гораздо хуже, он им и выглядел. Со времен работы оперативником Бабкин не терпел подобных людей. Им все сходило с рук.

– Ко мне в номер поднимемся, там я все расскажу, – распорядился Гаврилов, направляясь к лестнице.

– Сначала мы отнесем вещи и примем душ, – с неожиданной злостью возразил Сергей.

Взгляд Илюшина заставил его замолчать.

– Дорога была тяжелая, Петр Олегович, – кротко сказал Макар. – Нам потребуется не больше получаса.

Кажется, и Бабкин, и Гаврилов хотели изменить этот срок – один в большую, другой в меньшую сторону. Однако Илюшин, закинув на плечо рюкзак, каким-то магическим образом уже переместился к стойке регистрации.

За окнами просторной комнаты мерно вздыхало море. От

бассейна долетали выкрики детей, и Гаврилов, поморщившись, закрыл створку.

– Я вышел из номера около шести утра. – Эту фразу он повторял, должно быть, уже тысячу раз. – Оля спала. Когда я вернулся, ее не было. Все ее вещи на месте. Обувь, телефон, деньги, документы. Я вам рассказывал...

Илюшин кивнул. Да, день назад Гаврилов позвонил ему в Москву. Он изложил свое предложение так сухо и деловито, что Макару захотелось согласиться из одного только любопытства: как выглядит человек, платящий тройную цену за расследование в чужой стране и при этом ни разу не выказавший волнения?

Сейчас, рассматривая клиента, он осознал, что тот держится из последних сил. Голосом Гаврилов владел неплохо. Лицом хуже. Мелкая, едва заметная судорога пробежала по нему время от времени, искажая черты до неузнаваемости. Илюшин попытался мысленно сфотографировать это другое лицо. Но судорога продолжалась долю секунды. Он не успевал за ней.

– Ваша жена спала голая?

– В пижаме. – Гаврилов показал на кондиционер. – Он постоянно включен. Слабый.

– Пижаму нашли?

– Ничего не нашли. Я же сказал!

Он зачем-то принялся яростно нажимать на кнопки пульта. Узкая пасть кондиционера приоткрылась, дохнула холо-

дом и снова захлопнулась.

– Петр Олегович, – позвал Макар. Гаврилов все терзал пульт. – Петр Олегович...

– Слышь, мужик! – вмешался Бабкин.

Петр очнулся. В глазах мелькнуло диковатое изумление, словно он впервые увидел этих двоих.

– Или психуешь, или работаем. – Сергей отобрал у него пульт и бросил на диван. – Нервы шалят? Выпей.

Гаврилов обмяк.

– У меня жена пропала...

– Это мы уже знаем, – сказал Макар. – И вы обратились в полицию.

Пока Илюшин пытался добиться от клиента ответов, Бабкин шагнул к бару. Тот оказался забит пустыми бутылками из-под виски. Среди них одиноко лежала зубная щетка с толстой гусеницей зеленоватой пасты и скрученный в жгут носок.

– М-да...

В дальнем углу нашелся непочатый скотч. Бабкин нацедил треть стакана и сунул клиенту.

– Это что? – вскинулся Гаврилов.

– Валерьянка.

Сыщики молча смотрели, как клиент глотает скотч не морщась.

– Ты бухло, которое в баре, в одну харю выжрал? – спросил Сергей, сознательно перестраиваясь на близкий Гаври-

лову язык. — Или были компаньоны?

Петр посмотрел на него проясневшим взглядом и ничего не ответил.

3

Андреас вытащил лодку на песок. Солнце заливало маленькую бухту — сегодня он припозднился с возвращением. Несколько чаек, сопровождавших его последние пару миль, выжидающе расселись на камнях.

Пальцы погрузились в мокрую сеть, когда наверху раздался шум. Задрав голову, Андреас разглядел невысокую фигуру с шапкой курчавых волос. Юноша спускался по тропе. Камни и песок, сброшенные вниз, со змеиным шуршанием скользили среди кустов.

— Доброе утро, Андреас!

— Сколько? — спросил рыбак. Он не любил тратить лишних слов, и особенно не любил тратить их на лишних людей.

— Четыре, восемь — сколько есть.

Парнишка с любопытством заглянул в лодку и едва удержался на ногах, когда мозолистая рука толкнула его в плечо.

— Знаешь, от чего собака сдохла? — спросил рыбак.

Ян покачал головой.

— Совала нос не в свое дело.

Он сам вытащил пойманную рыбу. Перламутровые тушки, уже начавшие тускнеть, одна за другой легли на широкую

доску, омытую морской водой.

– Выбирай.

Ян ткнул пальцем в десять самых крупных, немного подумал и прибавил к ним еще три помельче. На кухне столько не требовалось, но он надеялся, что Андреас быстрее забудет о его промахе, если выручит больше.

Длинная тень легла возле него. Юноша непроизвольно отодвинулся.

Рыбак помолчал, что-то прикидывая в уме. Потом назвал цену.

– Опять приезжие? – спросил он, пока Ян облегченно отсчитывал деньги.

– Двое.

– А.

Одним этим коротким восклицанием Андреас выразил сомнение, что в ресторане понадобится столько рыбы, и одновременно дал понять, что это не его дело. Хотят купить – он продаст.

– Русские, – добавил Ян. – За той бабой, которая пропала.

Смуглая рука Андреаса задержалась над купюрами. Юноша хотел спросить, что означает татуировка, но вспомнил одохлой собаке и промолчал.

– Что, нашлась? – после паузы спросил рыбак.

– Они искать будут.

– Лучше бы рыб нанял, – усмехнулся рыбак.

Ян угодливо хихикнул.

Вообще-то ему нравилась исчезнувшая русская туристка. Она была *трели*, чокнутая: фотографировала всякую ерунду. Пустую стену, исчерканную теньями. Сломанную ветку. Грудю камней. Пыльную дорогу. Как-то раз он спросил, зачем она это делает, когда вокруг столько прекрасных пейзажей.

Женщина усмехнулась и на хорошем английском ответила, что есть уже сто снимков здешнего моря, но нет ни одного снимка местной пыли. Это несправедливо. Если подумать, пыль ничуть не уступает морю. В ней даже можно купаться, – в подтверждение она кивнула на воробьев, барахтающихся неподалеку.

Ян хотел обидеться, что с ним разговаривают как с дураком. Но она подмигнула ему, и он признал ее право уйти от ответа.

И еще она заплатила, когда он показал ей гнездо сорокпута. Целых пять евро, а потом записала номер его телефона и прислала ему готовую фотографию. Заработать пятерку было приятно, но получить снимок птиц – еще лучше. Как будто из пацана на побегушках Яна повысили до помощника профессионального фотографа.

Он очнулся, поняв, что Андреас ему что-то протягивает. Десять евро.

– Завтра придешь сюда снова, – сказал рыбак. – Расскажешь, где они были.

– Кто?

– Русские. Где были и что выяснили.

Ян заколебался.

– Хочешь больше? – оскалился Андреас.

Зловещая двусмысленность прозвучала в его вопросе. Ян торопливо схватил купюру и сунул в карман. Молча сложил рыбу в пакет и уже собирался карабкаться обратно, когда его пригвоздила к месту тяжелая ладонь.

Ему показалось, рыбак не живой, а каменный, как те статуи, что он видел на экскурсии по Афинскому кладбищу. Надавит чуть сильнее, и Ян провалится под землю, сразу в ад.

– Ты же умный парень, правда?

Когда такие люди, как Андреас, спрашивают об уме, они имеют в виду вовсе не способность возводить двадцать семь в квадрат.

– Конечно, – выдавил Ян. – Я никому не скажу, честное слово.

Его потрепали по загривку, вручили пакет. Он выскользнул и кинулся наверх, не замечая крутизны подъема.

Вернувшись домой, Андреас постоял, задумчиво разглаживая купюры. От рук несло рыбой. Деньги теперь тоже воняли. Он принюхался, жадно втягивая ноздрями воздух.

Из кухни вышла жена.

– Позови Мину, – сказал он, не глядя на нее.

Роза скрылась и вернулась, ведя за руку старшую дочь. При виде девушки замкнутое лицо Андреаса озарилось улыбкой. Он усадил ее на табуретку и сам присел перед ней

на корточках.

– Сюда могут прийти гости, девочка моя, – сказал он. – Скажи мне, ты делала что-нибудь плохое?

Несколько секунд в голубых навывате глазах ничего не отражалось. Затем медленно, очень медленно, как издали плывущее облако, в них появилось удивление.

– Плохое?

– Плохое, Мина. Если тебя станут спрашивать.

– Кто спрашивать, папа?

– Чужие люди. Незнакомые.

Круглое лицо исказилось в гримасе обиды и испуга.

– Я н-ничего плохого! – в голосе прорезались визгливые ноты. – Честное слово!

– Чш-ш! – Андреас положил ладонь на руку дочери. Жена стояла молча в отдалении. – Тише, тише. Я знаю, девочка моя. Главное, чтобы никто не убедил тебя в обратном. Но все-таки расскажи мне. Что дурного ты делала?

– Цыпленка не я! – всхлипнула Мина и закрыла лицо ладонями. – Цыпленка убила Катерина!

Быстрый хитрый взгляд из-за растопыренных пальцев убедил Андреаса, что дочь лжет.

– Что еще? – допытывался он.

– Ничего не знаю!

– Мина, представь, будто я чужой человек. Что ты должна сказать ему?

– Чужой?

– Да.

– В новой одежде?

– Может быть. В новой. Да.

– Мужчина? – допытывалась Мина.

– Мужчина, мужчина!

Девушка повела плечом и кокетливо засмеялась.

– Хватит! – рывкнул Андреас. Пальцы, мягко поглаживавшие запястье дочери, впились в ее кожу. Мина заверещала как обезьяна, рванулась, но оплеуха заставила ее сжаться на табуретке. – Дура! Что надо отвечать чужим на все вопросы?

Мина хныкала, прижимая ладонь к щеке.

– Девочка моя маленькая. – Переход от ярости к нежности был молниеносным. – Чему я тебя учил? Отвечай, не бойся.

Девушка замигала часто-часто и выдавила:

– Спросите у Катерины!

Андреас торжествующе засмеялся.

– Молодец! Умница моя!

– Спросите у Катерины! – радостно повторила Мина. – Спросите у Катерины! Спросите! У! Катерины!

Андреас, хохоча, поднялся и хлопнул себя по ляжкам.

– Ай да девочка! Слышала, Роза? Наша дочь знает, что сказать чужакам.

Женщина молча кивнула.

– А ты? – внезапно спросил рыбак. – Знаешь?

– Я все время в доме, – тихо ответила та. – Я буду отвечать: «Вам лучше спросить моего мужа».

Несколько секунд Андреас буравил ее взглядом, затем, успокоенный, кивнул. За его спиной Мина продолжала талдычить: «Спросите Катерину».

– Славная шутка, а, Роза?

Не дождавшись ответа, он вышел во двор.

– Да замолчи уже, – в сердцах прикрикнула женщина на дочь.

4

Скотч помог. От клиента удалось добиться связного рассказа о том, что произошло после исчезновения его жены.

По вызову приехала местная полиция и поначалу отнеслась к его заявлению серьезно. Отель обыскали, осмотрели ближние скалы и побережье.

– В этом районе всего несколько бухт пригодны для купания, – устало рассказывал Гаврилов. – Местность скалистая, в воду не залезешь. Ничего, конечно, не нашли. В конце концов решили, что Оля упала с обрыва.

– Что потом?

– Я побывал в консульстве. На следующий день здесь появился какой-то потасканный тип с усами... Кажется, следователь из Афин. Если я правильно понял. Не уверен, что хорошо соображал.

Бабкин вспомнил батарею пустых бутылок.

– И что следователь?

– Он был не один. С ним трое, может, четверо. По новой обыскали отель. Осмотрели каждую комнату, светили... специальными фонарями.

– Ультрафиолетом, – подал голос Сергей. – Исключали версию, что ваша жена была убита в одном из номеров отеля.

– Моя жена вполне могла быть задушена, – криво усмехнулся Гаврилов. – Никакая криминалистическая лампа не помогла бы обнаружить следы. Еще привели собаку.

– Собаку?

– Чтобы взяла Ольгин след. Дебилы!

Бабкин вынужден был согласиться. Спустя три дня после исчезновения человека искать его следы в отеле, где все исхожено клиентами? Демонстрация активной деятельности, показуха.

– А потом кто-то из персонала дал показания... Я так и не узнал, кто именно.

– Какие показания?

– Будто бы мы ссорились. И я постоянно орал на Олю. А она...

Петр споткнулся на полуслове. Бабкин поймал его быстрый взгляд, брошенный на бутылку возле кресла.

– А она? – переспросил он, не двигаясь с места.

– ...заигрывала с местными. С официантами. Менеджерами. Как бы в отместку.

Последнее признание далось клиенту тяжело.

– Она действительно заигрывала? – поинтересовался Ма-

кар.

Гаврилов оторвал взгляд от бутылки и перевел на Илюшина. Он сидел набычившись, смотрел исподлобья, – побагровевший, потный, люто ненавидящий их обоих и несчастный настолько, насколько могут быть несчастны люди, которых некому жалеть.

– Нет, – выдавил он наконец. – Это бред. Но они вцепились в меня... Решили, будто я ее изводил.

Гаврилов умолчал о том, как двое суток подряд ожидал, что ему вот-вот будет предъявлено обвинение. Во всех взглядах он ловил невысказанную мысль: ты что-то сделал с ней. Он частично помешался, наверное, и вдобавок пил без перерыва, вызывая все большее отвращение у окружающих. Люди не любят иметь дело с жертвами. Другое дело – человек, прикончивший собственную жену и поднявший шум, чтобы отвлечь от себя подозрения. Когда Гаврилов осознал, что в его номер каждый час заглядывает кто-нибудь из персонала, и на лицах их, смуглых носатых лицах сияет плохо скрытый восторг, он окончательно обезумел. «А-а-а, зоопарк! – надрывался он, стоя посреди комнаты в одних семейных трусах. – Денег даете, чтобы посмотреть на меня? Давайте, уроды! Я вам сам заплачу! А, каково?» Он расшвырял вокруг горстями звонкую мелочь, которую Ольга держала для чаевых, а когда деньги кончились, начал швырять стулья.

Молоденькая горничная, зашедшая якобы для того, чтобы оставить полотенца, с визгом убежала. Его едва не выставили

из отеля. Уезжать Гаврилову было никак нельзя. Пришлось забыть про виски.

Без выпивки стало совсем плохо.

– Полиция пришла к выводу, что жена от меня свалила, – бесцветным голосом сказал он. – Ольга меня боялась. Я ее запугал. Настолько, что она бросила все, дождалась, пока я уйду купаться, и исчезла.

– Эту версию подтверждают только показания персонала? – спросил Сергей. – Или есть улики?

– Какие еще улики... Ничего у них нет.

– И это весь результат расследования?

– Понятия не имею. Здесь уже два дня никто не появлялся.

Макар внимательно посмотрел на него.

– Почему ваша жена не могла уйти купаться за вами следом?

– Потому что у нее болело горло. – Из голоса Гаврилова снова исчезли эмоции. – Она легко простужается. Если окунется в прохладную воду, точно разболеется. Поэтому она не была утром на море. Это исключено.

– А сбежать от тебя могла? – не удержался Сергей.

По губам Гаврилова пробежала диковатая усмешка.

– Без фотоаппарата?

– Что?

Усмешка стала шире.

– Ты слушал, что я рассказывал? Ольга – фотограф. Она

не оставила бы камеру. Никогда! Моя жена скорее бросила бы меня, чем свой «Кэнон». Но нас обоих она бросить не могла.

Он наконец захохотал, мучительно и неестественно, словно выпуская застоявшийся смех, который давно прокис у него внутри.

Глава 2

Русма, 1992 год

1

Все началось с голубя.

Или нет.

Все началось раньше. Когда Димка Синекольский нарисовал в атласе по географии голую бабу, разлегшуюся на Евразии.

Или нет.

Может, все началось, когда они вышли из такси и увидели свой новый дом?

Раз за разом Оля Белкина пыталась найти день, о котором определенно можно было бы сказать: «Именно отсюда все пошло не так».

Вот бы заполучить машину времени, как у Герберта Уэллса.

Она неосторожно поделилась с Димкой своей мечтой. Циничный Синекольский заржал. Могу, говорит, показать тебе даже не машину, Белочка, а настоящий эликсир времени. Зайди как-нибудь в субботу с утра к вашему соседу Власову. Часиков в десять он будет уже поддатый. Садись на табуре-

точку и слушай его вдохновенные рассказы о том, как всю интеллигентскую сволоту и жидовщину пересажает по его доносам, едва те дойдут до товарища Сталина. Он, кстати, сразу набело их пишет, причем таким почерком, что наша Кулешова указку бы сгрызла от зависти. Зайди-зайди, это ж натуральное шапито! Меня бабка к нему таскала пару раз, они старые приятели.

В шапито Оля не хотела.

Машина времени, сказал Синекольский, это просто дополнительный миллион возможностей просрать свою судьбу.

Задумавшись о судьбе, Оля завернула за угол продуктового и врезалась в старуху Шаргунову. Та выронила пакет с конфетами, клетчатые батончики «Школьницы» разлетелись по тротуару.

– Гхэ-э-э-э, – сказала старуха и глянула на окаменевшую Белкину мертвыми глазами.

Оля боялась в Русме только двух человек. Шаргунова была одним из них. Ее тощее как палка тело венчала крошечная голова – круглая и ровная, словно декоративные тыквы, которые мать выращивала по осени на продажу. В этой несоответственности крылось что-то невыносимо жуткое.

В русминской библиотеке Оля однажды наткнулась на статью о высушенных человеческих головах – тсантса. Журнал она незаметно утащила со стола библиотечарши Марии Семеновны, заинтригованная иллюстрацией.

Забывая от ужаса дышать и не в силах захлопнуть журнал, девочка читала, как кожу стягивают с черепа, как наполняют горячим песком, как индейцы выскребают внутреннюю поверхность тсантса ножом, и руками возвращают искаженные посмертные черты к прежним, живым.

Она вышла из библиотеки с таким чувством, будто это ее собственный череп набили раскаленным песком. И первым, кто попался ей навстречу, оказалась Шаргунова.

Старуха пересекала дорогу – долговязая, тощая, с микроскопической головкой, из которой торчали длинные черные волосы, и не сводила с Ольги равнодушного взгляда.

Девочка закричала и шарахнулась в сторону.

– Тихо, тихо, ты чего!

Ее схватили большие крепкие руки. Встряхнули, прислонили к стене. Подняв глаза, Оля узнала человека, которого пару раз приводил домой отец.

Тот смотрел на нее улыбаясь.

– Зойку испугалась? Да не бойсь. Она полуслепая. Вишь, у нее бельма на зенках?

Шаргунова прошаркала мимо. Оля не посмела взглянуть на ее лицо.

– Бате твоему скажу, пусть приведет тебя к ним познакомиться.

– Не надо... бате... – выдавила Оля.

Она вспомнила, что спасителя зовут Виктор. Виктор Левченко.

– Не говорите папе, дядя Витя. Пожалуйста.

– Ну, дело твое, – хохотнул Левченко. – А то познакоми-
лась бы с Шаргуновыми. У них три бабы, одна другой страш-
нее. Как в цирк к ним хожу, ей-богу! Ладно, беги. Вечерком
заглядывай, Марина блинов обещала напечь.

Оля облегченно кивнула и быстро пошла прочь.

И вот теперь конфеты.

Любому другому человеку она помогла бы собрать их не
задумываясь. Но мысль о том, что придется дотронуться до
желтых восковых пальцев, парализовала ее волю. *Что, ес-
ли они холодные?* Старуха стояла, беззвучно шевеля губами,
словно стягивая силы для проклятия.

– Это, мил-моя, не дело! – вдруг хрипло объявила она.
Присела на корточки и принялась шарить вокруг. Вид у нее
был одновременно устрашающий и жалкий.

Оля оглянулась. Никого. Свидетелей ее постыдной трусо-
сти не нашлось. Она попятилась, обошла по широкому кру-
гу сгорбившуюся фигуру и кинулась к пятиэтажке, стоявшей
на окраине.

– Где тебя носит? – недовольно спросили из темного угла,
едва Ольгина голова показалась над полом.

– Сегодня, между прочим, классный час был. – Девочка
подтянулась над чердачным люком, выпрямилась и отряхну-
лась. – Рассказывали о вреде наркотиков.

– Значит, я в тему клея нанюхался.

Из темноты показался мальчишка, волочивший стул размером почти с себя. Оля только теперь почувствовала, как сильно пахнет «Моментом».

– Фу! Ты все провонял!

Она распахнула маленькое чердачное окно.

– Закрой, балда! Увидят!

Димка установил стул на свету, присел перед ним и любовно погладил по спинке.

Сломанный стул они с Олей притащили из Ямы.

Ямой назывался овраг, куда жители поселка сбрасывали рухлядь. Когда-то по нему текла река, певучая и живая. Потом пришли люди. Река то ли высохла сама, испугавшись гостей, то ли была насильно загнана под землю, – Оля не знала, а родители и подавно: они слишком недолго прожили в Русме. Остался овраг. По склонам его долго еще кустилась земляника, крупная и сладкая, как мармелад.

Кто первый придумал выкидывать сюда мусор, дознаться не удалось. Сперва жители возмущались, призывали разобрать помойку и наказать виновного. Но постепенно идея осела в умах, укрепилась, и стало казаться, будто овраг именно затем и существует, чтобы у людей было место для ненужного хлама и старья.

Постепенно исчезли кусты земляники. Склоны покрыли крапива и полынь. Овраг лишился собственной души и стал Ямой – страшненьким детищем природы и человека.

Для взрослых это была гигантская свалка.

Для детей – остров погибших кораблей.

Здесь можно было найти альбомы со старыми фотографиями, заправленными в бархатные уголки, – пожелтевшие листы, облетевшие с навсегда иссохших генеалогических древ. Обломки старинной мебели: кокетливые гнутые ножки, пустые ящички, истершиеся кресла, похожие на одряхлевших старух в бархатных накидках. Поношенную одежду; резиновые игрушки, потускневшие, как и те дети, которые играли ими когда-то; книги, потерянно шелестевшие на ветру страницами; драные сумки с такими яркими подкладками, словно внутри каждой таилась бабочка; и много, много других бесценных вещей.

Димка однажды притащил из оврага мешок лекарств, просроченных лет на двадцать. Оля заставила его все это выкинуть, и он долго ругался, что она загубила на корню его бизнес по продаже аспирина.

Они часто слонялись вдвоем по колено в мусоре – неприкаянные бродяжки, Ливингстон и Стэнли на огромном неведомом континенте чужого прошлого.

Два дня назад им подвернулся стул.

Стул был совершенно необходим. У них уже имелся стол – ящик из-под посылок, утащенный на почте, и лежанка из досок: матрас для нее сшили сами из дерюги и поролона. Сверху бросили дырявый плед. За культурную составляющую отвечали вырезки из журналов «Бурда моден» на стенах. Табу-

ретку Димка обещал сколотить на следующей неделе, а пока возился со стулом, который полюбился ему за непрактичную гнутую спинку и тонкие антилопы ножки.

Оля уселась по-турецки на заштопанный плед и принялась наблюдать, как ее товарищ шкурит сиденье.

Димка мелкий. Один глаз у него вечно прищурен, а второй приоткрыт, и если смотреть на него справа, то видишь ехидного старичка, а если слева – изумленного ребенка. Это у Димки последствия какой-то детской травмы. Во время разговора его мелкое личико преобразается от гримас. Когда-то его пытались высмеивать за этот недостаток, но быстро прикусили языки: Синекольский язвителен, как старая дева, и столь же наблюдателен. В его заглавнике тысяча сплетен и миллион оскорблений.

Вступать с ним в драку не рискует почти никто – для Димки не существует запретных приемов. Слабую физическую подготовку он компенсирует беспринципностью. До сих пор ходят слухи о парне, которого Димка ударил в пах остро заточенным карандашом.

Учителя называют его шутом. «Синекольский, прекрати паясничать!»

Да, фамилия у Димки красивая. Что не помешало одноклассникам окрестить его Синяком. Прозвище возникло в те времена, когда легенда о заточенном карандаше еще не родилась и Димке приходилось махать кулаками куда чаще.

А про Олю, едва она появилась в шестом «А», учитель-

ница сказала: «Ребята, у нас новая ученица, она переехала к нам из Дзержинска. Познакомьтесь: Оля Белкина».

«Белкина-Побелкина», – взвизгнул кто-то, и класс грохнул от хохота. Оля пожала плечами, спросила, где она будет сидеть, и со спокойным достоинством прошла на свое место. Страх новичка – стыдный, неловкий, мучительный страх маленького зверька перед стаей – она загнала внутрь.

Ее самоуверенность сделала свое дело. В классе хватало своих изгоев, и одним-единственным неторопливым прохождением от двери к парте Оле удалось избежать этой участи.

Но друзей у нее не было.

До тех пор, пока однажды она не заметила, как Синяк рисует в атласе обнаженную женщину, в которой просматривалось сходство с географичкой.

Две девочки, проходившие мимо, скорчили брезгливые гримасы.

– Фу, мерзко!

– Синяк, ты извращенец!

Синекольский невозмутимо пририсовал женщине пупок.

– Вас тоже изобразить?

Обе фыркнули и ушли. Оля осталась на месте.

– Червончик – и намалюю твой портрет, – ухмыльнулся Синекольский, не поднимая головы. – Рисую только с натуры. Соглашайся, Белочка.

– У нее груди одинаковые.

– Чего?

– Грудь одинаковые, – повторила Оля. – А должны быть разные.

Димка оторвался от своего занятия и уставился на нее.

– Как – разные? Это ж сиськи!

– И что? Их же не на заводе штампуют. У всех женщин правая грудь отличается от левой. Хотя чуть-чуть, но разница есть. А у твоей, – Оля бросила взгляд вниз, – при таких формах точно должно быть заметно.

Синекольский склонил голову набок.

– Ты откуда знаешь?

– В бане видела.

Авторитетность ее тона сразила Синекольского.

– По размерам отличаются? – помолчав, спросил он.

– По форме тоже могут.

– Блин, и ведь не сотрешь уже...

Он сокрушенно уставился на Олю.

– Новую нарисуешь, – успокоила она.

– Дай твой атлас!

– Перебьешься.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Затем Димка рассмеялся.

В этот день они впервые пошли домой вместе.

Их сразу стали звать «Белка с Синяком», но быстро разгорающийся костер чужого интереса так же стремительно потух. Никто не хотел попадаться острому на язык Синекольскому. К тому же было очевидно, что этих двоих объединяет

не влюбленность, а общее дело.

Общее дело у Белки и Синяка было такое: весело проводить время вне дома.

Летом с этим не возникало сложностей. От дождя они прятались в чужих сараях. Пару раз обшаривали заброшенные дома, однако там не находилось ничего интересного. Все успевали растащить соседи и старшие подростки. Димка уныло прикидывал, что с наступлением холодов им негде будет болтаться, кроме библиотеки, и даже обдумывал серьезный разговор с бабкой, запрещавшей приводить гостей.

Но случилось так, что они наткнулись на незакрытый чердак пятиэтажки по соседству с Ольгиным домом.

Их радость была сродни торжеству Робинзона, закончившего многолетнюю постройку хижины. Наконец-то они обрели место, принадлежащее лишь им двоим.

– Офигеть, – сказал Димка, обведя взглядом низкое пыльное помещение с четырьмя квадратными окошками.

Солнце било сквозь стекла, обнажая убожество их нового пристанища.

– Круто, правда? – гордо сказала Оля. Это она открыла, что навесной замок на чердачной двери не запирается на ключ.

– Не то слово! Прибраться бы только. И на пол бросить что-нибудь мягкое, чтобы в нижней квартире не слышали шаги.

– Ну ты даешь!

– Чего?

– Предусмотрительный!

Они надеялись добыть ковер в той же Яме, но свалка, их морской прибой подводных сокровищ, унесенных с берегов чужой жизни, на этот раз не была к ним щедра. Тщетно рыскали они по склонам: ковра не нашлось.

Без него оставаться на чердаке было опасно.

Димка пару дней ходил задумчивый, а на третий приволок откуда-то прекрасный, лишь немного плешивый ковер – красный с золотом, толстый, восхитительный, как драконья шкура. О происхождении ковра он умолчал. Оля подозревала, что Синяк выпросил сокровище у старухи Шаргуновой, с которой приятельствовала его бабушка.

Так родился Дом-на-Чердаке.

С тех пор как Димка с Олей начали обставлять свое укрытие, оно все явственнее обретало черты настоящего дома. Вряд ли оба осознавали, во что пытаются превратить пустой неудобный чердак пятиэтажки. Это была просто забава.

Но Димку в его квартире ждала только пожилая хмурая женщина, мать его отца, который уехал на Север и увез с собой жену, а младшего Синекольского оставил бабушке. Хмурая женщина не любила своего сына, не полюбила и внука.

Олю ждала мама, любящая мама с тихим голосом и теплыми руками.

Но кроме мамы был отец.

Перемену судьбы Оле Белкиной стоило бы отсчитывать от телефонного звонка, раздавшегося в их квартире полтора года назад. Мама, послушав бормотание в трубке, растерянно сказала:

– Да-да, Коленька, конечно, только, может быть, сперва...
И надолго замолчала.

Двенадцатилетняя Оля выползла из кухни в прихожую и стояла в коридоре, глядя на мать и почесывая босой пяткой щиколотку. Мама должна была беззвучно замахать руками: брысь с холодного пола! Вместо этого она поглядела сквозь Олю и ласково сказала:

– Я тоже безумно рада.

– Кто звонил? – спросила девочка, когда разговор закончился.

– Папа. – Мать по-прежнему смотрела сквозь нее. Но вдруг потрянула головой и улыбнулась: – Отличная новость, Лелька! Мы переезжаем!

– Куда еще?

– В Русму.

Николай Белкин вырос в Астрахани. Закончил мореходное училище и много лет работал механиком на кораблях дальнего плавания. В Русме жила его старая тетка. Племян-

ника она не видела очень давно, но хранила фотографию времен его курсантской юности, где молодой красивый Коля до боли в сердце напоминал ее покойного мужа.

Перед смертью она оставила все, чем владела, ему.

Механик Белкин получил телеграмму из Русмы. Думал он над ней ровно пять минут. Затем поставил в известность капитана, дождался замены и уволился из пароходства.

Его ждала земля – его собственная земля! Морем он был сыт по уши. Бессмысленное тупое пространство. Однообразие морских переходов убивало его. Новые города быстро приедались. Они воняли одинаково, и драки в них завязывались одинаково, и шлюхи скалились одинаковыми улыбками, какого бы цвета кожи они ни были.

А от тетки остался домик и двадцать соток земли, которые можно было превратить в сорок, купив соседский участок.

Он землевладелец!

В мыслях Николай видел себя фермером. Стройные ряды парников дышали помидорным теплом из приоткрытых окон. Картофельные клубни со стуком ссыпались на холодный пол погреба. Жирная пахучая земля плодоносила, цвела, рожала для него, а он возвращал ее дары и обретал втрое, вдесятеро больше.

В душе отзывалось радостью, стоило представить, как он идет среди грядок, а навстречу ему из чернозема тянется зеленая поросль.

Квартиру в Дзержинске продали. Вырученные деньги по-

тратили на приобретение соседского участка. К лету переехали в Русму, и Николай стал хозяйничать.

Все сразу пошло не так, как он задумывал.

Дом оказался недружелюбен к новым жильцам. Текла крыша, оседал порог, в рамах ветер дырявил щели и гонял по полу тугие сквозняки. Николай никак не мог почувствовать себя полноправным владельцем. Дом существовал независимо от него, как если бы Белкин оказался в утробе кита и полагал, что отныне будет командовать, куда тому плыть.

Но кит не слушается тех, кто внутри.

К тому же Николай был в доме не один.

Неистребимая маленькая жизнь шла под самым его носом: жучки-древоточцы по крохам перемалывали внутренности его жилища; в комоде безбоязненно вили гнезда мыши; под балками чердака, в пугающей темной высоте, гудел серый мешок, похожий на дьявольский маракас, – пристанище злых голодных ос.

Но главное – крестьянский труд оказался настолько тяжел, что Николай с тоской вспоминал опостылевшую работу в пароходстве. На ум ему не раз приходило слово «пахота». Вставай засветло, тревожься о поливе, обрабатывай посевы, вовремя выпалывай, пересаживай, удобряй, собирай и снова пропалывай... Ни дня перерыва, ни недели отдыха. Тоскливое монотонное занятие, выедавшее его изнутри. Оно не приносило ни радости, ни удовлетворения.

Он все чаще проклинал день, когда его жена согласилась

на переезд. Дура. Безмозглая дура.

Тем временем Оля Белкина изучала мир, в котором очутилась.

Русма – поселок городского типа. Здесь жизнь вывернута наружу, здесь существуют бытом наизнанку: влажные простыни хлопают на ветру, ужин готовится во дворе. Скандалят, жалеют, ревнуют – все на глазах у соседей: шумно, напоказ. От этого даже у беды оттенки театральности.

Но есть и другая Русма: невидимое подводное течение, качающее водоросли в глубине. Обитатели ее немые, они разговаривают взглядами. Все, что здесь происходит, остается на дне.

Русма – это деревенские улицы, запутанные и неопрятные. На весь поселок едва наберется дюжина пятиэтажек. Когда-то жить в них считалось престижным. Сейчас их стены татуированы граффити, а окна нижних этажей забраны решетками, сквозь которые сочится запах кислой капусты и жареного минтая. Оле временами кажется, что зловоние исходит сам дом, и если обойти квартиры, выяснится, что ни одна живая душа не готовит рыбу, не квасит капусту. Это миазмы серого блочного уродца, его тяжелое гнилостное дыхание.

В Русме есть заводик по производству маникюрных ножниц. Маму взяли работать в бухгалтерию, и это большая удача. Еще открыты два кафе, загс и три похоронные конто-

ры, работающие круглосуточно. Синекольский говорит, они конкурируют за покойников. Утверждает, что еще немного, и ритуальщики начнут сами убивать жителей, чтобы было кого хоронить.

Летом в Русме хорошо.

Хорошо и в мае, который уже-почти-лето, и в сентябре, который еще-почти-лето.

Все остальное время в Русме такая тоска, что хочется повеситься, но непременно лицом к стене, чтобы не видеть бескровного, измученного зимой заоконья.

А еще в Русме с ними постоянно живет отец.

Его мать переехала с ними. К ней нужно обращаться «бабушка», но Оля упрямо зовет эту чужую незнакомую старуху бабой Леной. Летом и ранней осенью баба Лена ходит по местным лесам, принося огромные корзины с грибами. Зимой каждое утро методично обходит Русму. Однажды Димка с Олей тайком увязались за ней. Старуха шла час, два – и ни разу не остановилась, пока не сделала круг и не вернулась домой.

– У нее внутри механизм, – диагностировал Синекольский. – Она сконструированная. Спроси у отца, не заводит ли он ее по утрам.

– Дурак ты, – сказала Оля.

Однажды она принесла старухе ужин: мама задержалась на работе, отца не было, они остались дома вдвоем. Еле-

на Васильевна сидела на стуле, размеренно дыша и уставившись перед собой.

– Баба Лена?

Та откликнулась не сразу. Коротко стриженная голова медленно повернулась к двери.

– Ты кто? – спросила старуха. И, не дав Оле времени ответить, продолжала ровным, лишенным выразительности голосом: – Подойди ко мне. Подойди ко мне.

Оля автоматически сделала шаг к бабушке, держа перед собой поднос, и остановилась. Что-то смутило ее. Не то странное механическое удвоение призыва, не то безучастность, с которой старуха позвала ее.

– Где ты? – сказала старуха. – Я не знаю, где ты.

Выцветшие голубые глаза смотрели прямо на Олю. Старуха *видела* ее! Живой, осмысленный, голодный взгляд тянул к себе с такой силой, что засосало под ложечкой.

– Я поднос на стол поставлю, – тихо сказала Оля.

– Сука, – очень ровно сказала Елена Васильевна и начала подниматься – громоздкая, неповоротливая, жуткая. – Ты никуда не пойдешь. Знаешь, что мы с ним сделали? Тринадцатого мая восемьдесят девятого года был задержан за пересечение границы неба в непопозволенном месте и расстрелян, невзирая на апелляцию крыльями. Двадцать восьмого мая того же года был убит за недоказанностью факта человеческого происхождения.

Оля попятилась.

– Баба Лена!

– Восьмого июня того же года ожил по специальной программе, вернулся в Читинскую область, где продолжил свою подрывную деятельность и был вскрыт консервным ножом как истекший сроком годности...

Кукла с заевшей программой официально зачитывала одну за другой причины смерти, не делая пауз и не останавливаясь, чтобы перевести дыхание. Толстые бледные губы шевелились, голубые глаза тянули Олю к себе; несколько невыносимо страшных секунд ей казалось, что у нее вот-вот подогнутся колени, и тогда ее подтащит, точно примагниченную скрепку, к этой железной бабе, идолу с громкоговорителем внутри.

– Елена Васильевна!

– Пятнадцатого сентября был пойман в тюремной камере и оскотлен без соответствующих...

Оля пошатнулась и уронила поднос.

Красный борщ залил половицы. Из густой жижи обломками раздробленной кости торчали белые куски фарфора.

Старуху словно прострелили навывлет. Она дернулась и вдруг пришла в себя.

– Кор-рова! Тащи тряпку!

Оля пристально взглянула на бабушку. Механическая кукла исчезла. Старая женщина со злобой смотрела на нее и требовала у своего бога, чтобы отец чаще порол криворукую дуру.

Позже девочка убедилась, что с бабой Леной иногда случаются... зависания. Ее охватывает неподвижность, пробуждение от которой выглядит как неостановимый бред, изложенный тяжеловесным канцелярским языком. Словно кто-то назначил ее делопроизводителем в аду.

Отцу о происходящем говорить нельзя. Оля своими глазами видела, как, зайдя вечером к бабе Лене, папа стаскивает с нее тапочки и благоговейно целует раздутые красные ступни.

Мама недавно нарушила негласный запрет.

«...Коленька, мне нужно тебе кое-что сказать. Бабушка кричит на Олю дурными словами».

Это правда, только мама не должна была об этом знать. Оля держала язык за зубами. Мать сама услышала, забежав как-то домой с работы в неурочное время.

«Коленька, она ведь ее сукой назвала, – тихо говорила мать. – Я своими ушами... Поверь мне, это было ужасно грубо. Я глубоко уважаю твою маму, разумеется, это не она сама кричит на девочку, это ее возраст и болезнь, но давай что-нибудь придумаем, так ведь нельзя... Может быть, Елена Васильевна станет обедать сама? Она вполне способна разогреть себе еду, твоя мама очень самостоятельная, ты же знаешь... Я могла бы готовить ее любимые блюда и раскладывать порционно...»

«Порционно?» – переспросил отец.

Мать замолчала не сразу. Она продолжала что-то объяс-

нять, и это было ошибкой.

Отец произнес «порционно» еще раз, и еще – нараспев, с нарастающей громкостью. «Порционно» приобрело отчетливо итальянское звучание. И сам отец с его черной шевелюрой стал похож на исполнителя оперной партии, осанистого итальянца со жгучим взглядом.

Мать прервала свою речь, состоящую из вопросительных-умоляющих предложений. Но было поздно.

Они сидели за обеденным столом и ели картофельное пюре. Три яйца разбить в сваренную до рассыпчатости картошку, но сначала влить полстакана теплого молока, а лучше сливок, и обязательно добавить масло, от души, не жалея. Мама толчет картошку, рассказывает Оле рецепт, от кастрюли поднимается густой пар.

Теперь пухлые желтые облака лежат на их тарелках. Каждое украшено веточкой укропа.

В это облако отец макает маму лицом, схватив ее за затылок. Его растопыренные пальцы на ее голове похожи на мертвое вцепившегося розового краба. Мама не успевает даже вскрикнуть – рот ее забит картошкой, глаза и нос забиты картошкой, а отец возит ее по тарелке, аккуратно и вдумчиво, словно мамино лицо – это тряпка, которой он отмывает от грязи белый фарфор. Оля сидит неподвижно. Попробуй помочь, и – *посмотри что ты наделала мама вся в крови это ты виновата если бы ты не полезла все было бы в порядке.*

– Никогда. Не смей. Притеснять. Мою. Мать! – отчетливо говорит отец, наклонившись к голове на тарелке. Ладонь так сильно давит на ее затылок, что у мамы сплюснулся нос. Она издает сдавленное мычание, машет руками в воздухе, ее зад беспомощно елозит по стулу. – Ты понятия не имеешь, что она для меня сделала. Она меня спасла. Она святая. А ты, дрянь, супа для нее пожалела.

Оля смотрит в свою тарелку. От желтого облака поднимается пар.

– Если она захочет, ты будешь языком ее испачканную задницу вылизывать. Поняла меня? Поняла?

Мама пытается кивнуть. Очень трудно кивать, лежа лицом в тарелке с горячим ужином.

– Не слышу! – кричит отец.

Сдавленное мычание.

– Да или нет?

– Там, кажется, кто-то пришел.

Оля говорит это таким тоном, будто в эту секунду мама штопает носки, отец читает газету, а сама она решает примеры. У Оли специальный чуть-чуть озабоченный голос с легчайшим оттенком недовольства (ведь она занята, а в дверь стучат), и самое сложное – выдержать правильную интонацию.

Но у нее было достаточно тренировок.

Отец поднимает голову. Снаружи в самом деле доносится шум. Пришли не к ним, а к соседям; сквозь занавеску девоч-

ке видно, что это Зоя Шаргунова. Снова ищет свою глупую Маню.

Отец с раздраженным видом поднимается и идет в прихожую.

Быстро, очень быстро Оля хватается маму за руку и тащит в ванную комнату. Запираться нельзя. Как бы ни хотелось, запираться ни в коем случае нельзя.

Девочка открывает кран с холодной водой, легчайшими касаниями смывает с маминого лица горячую картошку. Мама молча вздрагивает, словно ее бьют током. У нее красная кожа, ресницы слиплись от пюре. Оле страшно прикоснуться к ней, но в школе их учили, что при ожоге нужно первым делом приложить к пострадавшему месту холод.

Оля не говорит ни слова, и мама не говорит ни слова, только вздрагивает и как-то странно передергивает плечами. Комки пюре, прекрасного воздушного пюре уносит в слив потоками холодной воды. «Три яйца и полстакана теплого молока», – думает девочка.

Дверь распаивается.

– Кто приходил? – беззаботно спрашивает Оля. Она не прекращает своего занятия, не поворачивается, словно нет ничего естественнее, чем смывать горячее картофельное пюре с лица своей матери. Отец стоит у нее за спиной. Краем глаза в зеркале она видит его синюю футболку, на которой написано «Никто кроме нас».

Ответа нет. Он нависает над ней молча, и Оля уже успе-

вает подумать, что сейчас ее очередь, как вдруг ее несильно отталкивают:

– Чего делаешь-то? Балда безрукая!

Девочка послушно отступает.

– Мазь принеси, – приказывает отец. – А ты сядь на ванну.

Дуры-то, господи, ни на минуту нельзя одних оставить...

Он осуждающе качает головой.

– Дурочка ты, Наталья, – приговаривает отец, поворачивая мамино лицо к свету то правой, то левой стороной. – Ну ладно, Ольга не знает, но ты-то взрослая баба! Зачем воду лила? Теперь вся красная, как эта... задница павиана. Видала павиана?

Мама отрицательно качает головой.

– А я видел. У него зубы – во! Челюсть больше, чем у лошади. Все на его зад смотрят, а надо бы на морду.

Он протягивает руку, и Оля быстро кладет в нее тюбик с кремом.

– Ничего-ничего, – ласково говорит отец и отводит в сторону прядь, падающую на мамин лоб. Он как будто не замечает, что ее волосы в картошке. – Сейчас помажем, и все пройдет. Эх, Наташа, Наташа, горюшко мое... Ну вот что с тобой делать! Сиди тихо! Сам справлюсь.

Белая гусеница крема выползает в его ладонь. Он мягко размазывает его по лицу своей жены.

– Здесь не больно? А здесь? Ну потерпи, моя хорошая, еще чуть-чуть, и пройдет.

Оля приоткрывает дверь. Она здесь больше не нужна.

Последнее, что видит девочка, – как распухшие мамины губы трогает благодарная улыбка.

Глава 3

Греция, 2016

1

Бабкин стоял на обрыве. Внизу синело море, и он подумал именно этими словами – «синее море», но раздраженно дернул плечом. Беспомощность фразы, ее безликость рассердила его. Она не передавала ни доли впечатления от того ошеломительного зрелища, которое открывалось перед ним.

Вокруг было очень много воды и очень много неба – словно их зачерпнули со всего мира и выплеснули здесь, на краю света. Простроченные тонкой нитью горизонта, вдалеке они соединялись, и сквозь синь проступала белоснежная облачная пена. И волны, и небо, и облака исходили неуловимым свечением; чем дольше он смотрел, тем сильнее ему казалось, будто само море и есть это свечение. Необъятное голубое сияние, притворившееся водой.

Вокруг не было ни души.

Сергей подумал, что в таких местах человек должен либо уверовать в Создателя, либо окончательно утратить веру, раздавленный собственным ничтожеством.

Но вот беда – он не знал, что делать со всей этой красотой.

Не умел ею пользоваться.

Где-то в голове должно быть хранилище для неразделенных воспоминаний. Для осенних дворов, извилистых улиц, пустынных берегов, по которым ты бродишь один. Бродишь, смотришь и не понимаешь, что ощущаешь, кроме сожаления, что некому сказать: «Гляди, а вон там!..»

Для того чтобы воспоминание отпечаталось в твоих чувствах, нужен закрепитель, а без него ты просто белая бумага, плавающая в растворе памяти.

Его собственный закрепитель спал сейчас на третьем этаже сталинки в Москве.

Не то чтобы Сергей сильно скучал по жене. Просто без нее это все не имело смысла.

Он достал телефон, с сомнением покачал в ладони. Ну, позвонит, и что скажет?

«У меня тут море».

«Сфотографируй», – попросит Маша.

Он сфотографирует, отправит ей, и выйдет даже хуже, чем если бы совсем не звонил. «Красиво», – скажет Маша. «Да офигеть», – ответит он.

Но при чем здесь красиво, когда дело вообще в другом!

Сергей все-таки набрал номер и слушал гудки, звучащие здесь, на обрыве, так неуместно, словно он звонил из рая.

– Привет! – сонным голосом сказала Маша.

– Привет. – Он помолчал. – Как ты?

– Только проснулась. Мусоровоз грохотал.

А ты?

– У меня тут море, – сказал Сергей. – Здоровенное, как лось.

– Ого! – восхитилась Маша, словно это было что-то удивительное – море в Греции. – А какого цвета?

«Синее, какое же еще», – хотел ответить Бабкин, но вдруг понял, что это неправда и спрашивают его не о том.

– Помнишь, мы с тобой в Минск ездили? – сказал он. – Там был участок шоссе, километров на десять, совершенно пустой.

– Где ты до двухсот разогнался?

– Ага.

– И нас гаишники остановили.

– Ага. Но до этого. Мы ехали, и там поля такие с двух сторон, широченные как стадионы, и день солнечный, и мы гнали под двести, и ты ругалась, но тебе все равно нравилось, я видел.

– Помню, – сказала Маша.

– Вот такого цвета море, – сказал Сергей.

– Ты только его не фотографируй, – попросила Маша.

Он засмеялся.

– Пойду яичницу пожарю, – сонно сказала жена. – Сережа, тебе там совсем тяжело?

– Нет, – сказал Бабкин, – уже нет. Кстати, я в холодильнике перед отлетом нашел три упаковки перепелиных яиц размером с икру. Это для кого?

– Это для гномиков, – сказала Маша. – Не забывай воды пить побольше, хорошо?

Входя в отель, он продолжал ухмыляться. Для гномиков, значит. Бог знает, отчего его так рассмешили эти гномики, но только Греция и даже Гаврилов на время стали выглядеть почти выносимыми.

2

Ольга Гаврилова. Девичья фамилия – Белкина. Тридцать восемь лет, из них пять в браке. По профессии – свадебный фотограф. С будущим мужем познакомилась, когда выезжала на корпоративную фотосъемку. Родилась в Дзержинске, с двенадцати лет росла в поселке Русма. Позже вместе с матерью переехала к дальним родственникам в Ростов, а оттуда – поступать в Москву. Закончила педагогический университет, три года работала учителем русского и литературы.

Илюшин вывел на экран снимок. Бабкин присел рядом, рассматривая пропавшую женщину.

Прямой взгляд, короткие, торчащие ежиком темные волосы, тонкие бледные губы без улыбки. Выглядит младше своих лет. Фотограф поймал ее в тот момент, когда в выражении лица читалась глухая воинственность и готовность к отпору. То ли неудачный кадр, то ли, напротив, слишком удачный.

– Харáктерная бабенка, – пробормотал Сергей. – Куда те-

бя, милая, занесло без паспорта и без денег?

– Это если занесло, – сказал Илюшин. – А не занесли.

– Дурацкий каламбур.

– Глупый, согласен.

Он пролистал дальше.

На других фотографиях Белкина выглядела иначе. Как и предполагал Макар, улыбка совершенно ее преображала, парадоксальным образом отнимая часть индивидуальности. Он остановился на кадре, где Ольга сидела за столом с бокалом вина и смеялась: маленькая женщина с короткой шеей и неудачной стрижкой. На таких не оборачиваются, их не запоминают.

– Покажи еще раз тот, первый.

С экрана на них вновь уставилось враждебное лицо. Откровенная неприязнь почти заволаживала.

– Смотрит, как солдат на вошь. Кто ее фотографировал, любопытно.

– Сейчас выясним.

Макар позвонил Гаврилову.

– Везде снимал муж, – с легким удивлением сказал он, положив трубку. – Кроме, собственно, вот этого кадра.

– Подожди, сам догадаюсь. Давний враг? Любовник с гордеей? На кого еще можно так смотреть?

– Это автопортрет, – сказал Илюшин.

– Ты серьезно?

– Если верить Гаврилову.

А еще, если верить Гаврилову, у его жены не было ни одной причины покинуть отель. Петр Олегович утверждал, что они с Ольгой много лет счастливы в браке. Их отдых омрачался лишь тем, что ему не слишком нравится климат и еда. Но жену привела сюда работа, а он с уважением относится к ее занятиям.

«Мы с Олей очень близки. Чтобы она собралась уехать, не предупредив меня, – это исключено, абсолютно. Но даже если допустить невозможное... Скажем, она сошла с ума, я не знаю... Без одежды, без вещей, без документов? Это нелепо! Этого просто не может быть».

– Давай теоретически рассуждать, просто накидывать версии. – Илюшин встал и задернул шторы. – Человек рано утром исчезает из номера бесследно. Что с ним случилось?

– Не человек, а женщина.

– Ты отвратителен в своем шовинизме.

– Иди к черту, – сказал Сергей. – Понимаешь ведь, о чем я. Могла стать жертвой изнасилования.

– А еще?

– С балкона упала, – сказал Бабкин. – Работники отеля оттащили тело и спрятали, чтобы скрыть ЧП.

– Туристка пропала – это не ЧП, а разбилась – ЧП?

– Сам же сказал – только версии. Ладно, держи еще одну: услышала шум в соседнем номере, вышла и вляпалась в какую-то дрянь.

– Классическое «оказалась не в том месте не в то время»?

Бабкин утвердительно угумкнул.

– Шум драки, например... Выходит, заглядывает к соседям, а у них на столе чемодан с наркотой. Или оружие. Ее по-тихому придушили, тело вывезли в багажнике, пользуясь безлюдным временем, закопали где-нибудь в лесу. Это если фантазировать. А если говорить серьезно, сбежала сама. С любовником. Муж вышел – она удрала.

– А муж – слепой болван?

Бабкин выразительно пожал плечами.

– Почему вещи не взяла?

– Это другой вопрос. Может, собиралась имитировать самоубийство, чтобы ее не искали. Хотя я бы ставил на наркоту или алкоголь. Или таблетки. Ты спрашивал Гаврилова, что она принимает?

– Утверждает – только противозачаточные.

– И больше ничего? Даже эти, как их... от депрессии...

– Психотропные? Нет, говорит, ничего такого.

– Может и не знать...

– Может, – согласился Макар. – Но давай пока исходить из того, что знает. Ты фотографии на камере просмотрел?

– Все до единой. Пейзажи, много свадебных, всякие двори-камешки-дома. А, птиц довольно много. Еще муж. На первый взгляд – вообще ничего криминального. Последние сняты седьмого вечером, перед исчезновением, там только море и сорок фоток закатного неба.

В дверь постучали. Курчавый юноша, почти мальчик, со смущенной улыбкой вошел в комнату и положил перед ними три листа бумаги с распечатанными фамилиями.

– Спасибо, Ян. – Макар склонился над листами. – Здесь все клиенты?

Юноша кивнул.

– Полиция их... э-э-э-э... проверила, – сказал он по-русски. – Четверо уже уехали. Я отметил имена.

– Ты их помнишь? Описать можешь?

– Старые. Две пары. Мужчина и женщина, – уточнил он, подумав.

– Две семейные пары?

– Да. Немцы, около пятидесяти, прожили тут почти два месяца.

– Почему уехали?

– Жарко! – улыбнулся Ян. – Они второй год приезжают. Надолго не остаются. Май, июнь – и обратно. Не купаются, гуляют только.

Илюшин покачал головой. Вряд ли это те, кого стоило подозревать в убийстве Белкиной.

– Нам с тобой придется сходить в деревню через пару часов, – сказал он. – Кстати, как она называется?

– Дарсос. – Ян озабоченно посмотрел за окно, где голубело чистейшее, без единого облака небо. – Машина нужна. Иначе под солнцем сгорим.

– А сколько здесь идти пешком?

Юноша задумался.

– Минут сорок? Даже не знаю, меня обычно подвозит кто-нибудь из наших. Агата или Делия... Я в прошлом году пешком ходил от автобусной остановки, но время не засекал.

– А в прошлом почему пешком?

– Сказали, болтаю много очень... Высаживали на середине пути... – Ян смутился и покраснел.

– Ну, в нашем случае твоя разговорчивость только на пользу делу, – успокоил Макар.

Яна привел Гаврилов. На каких условиях они договорились с руководством отеля, Илюшин не спрашивал, рассудив, что это не его дело.

Мальчишка работал в гостинице несколько лет, выполняя разнообразные мелкие поручения. Макар успел заметить, что к нему относятся со снисходительностью, не лишённой колкости. Гаврилов между делом упомянул, что два года назад парнишке купили велосипед, чтобы тот добирался на нем из деревни до гостиницы. Однако Ян решил снять видео, которое заработало бы миллион просмотров на Ютубе, и повторил известный трюк – «водитель, выпрыгивающий из несущейся к обрыву машины». Телефон с камерой он сунул одному из местных бездельников, а машиной назначил только что подаренный велосипед. «Чудом не убился, – сказал Гаврилов. – А трюк его на записи виден ровно полторы секунды».

Час назад, обходя вместе с ним отель, Илюшин краем уха услышал отголоски скандала. Полная румяная женщина, накрашенная так густо, словно собиралась выступать на театральной сцене, за что-то распекала парнишку. Ян яростно огрызался.

– У нас не будет с ним проблем? – поинтересовался Макар.

– Он тихий, – равнодушно ответил Гаврилов.

Его характеристика вопиюще противоречила тому, что видел Илюшин, но спорить Макар не стал. Ян был единственным в округе, кто говорил по-русски и мог служить переводчиком.

Кроме того, он вырос в соседней деревне. В их случае это было не менее, а то и более полезное свойство.

– За что тебя ругали? – спросил Макар, будто невзначай.

Ян недоуменно взглянул на него.

– Ругали?

– Утром. Такая толстая женщина...

– А! Агата! Она всегда на меня злится. Говорит, я краду велосипед.

– Крадешь? – Макара озадачила несовершенная форма глагола.

– Хозяин купил для клиентов. Иногда люди просят покататься, хотят посмотреть побережье. Было десять, остался один. Ломаются, стареют. Хозяин не чинит, ему все равно. Никто не берет последний. А мне запрещено!

Илюшин понял, что давняя история с подарком, чьи обломки ржавеют под местными скалами, аукается Яну до сих пор.

– А я ей говорю: что ты орешь! Ори на своего мужа, если, конечно, кто-нибудь согласится жениться на такой ужасной крикунье, как ты!

Бабкин, молча слушавший их разговор, невольно ухмыльнулся. Похоже, со времен своего безумного трюка мальчишка не набрался ни ума, ни осторожности.

– Но разве можно в чем-нибудь убедить женщину, – сокрушенно закончил Ян.

Илюшин склонился над списком.

– Серега, тут русская фамилия – Кушаковы, тоже семейная пара. Можешь прямо сейчас к ним подойти, чтобы времени не терять?

– Сделаю. Ян, вот этот номер – на каком этаже?

– На третьем.

– А завтрак уже закончился?

– Да, он до одиннадцати.

– Значит, на пляж тащиться. – Сергей вытащил из-под кровати чемодан и с отвращением достал оттуда пеструю гавайку. – Хуже клоуна, ей-богу...

– Извините, – сказал Ян. – Вам не нужен пляж, я думаю.

– Почему?

Юноша улыбнулся.

– Эти русские всегда очень долго спят, – доверительным

шепотом сказал он. – А потом целый день курят и пьют возле бассейна. У моря они только фотографируются.

Когда Сергей вышел, Илюшин обернулся к нему:

– Где ты так отлично выучил наш язык?

– Я на всех говорю! На французском, итальянском, немецком... – Ян почему-то отогнул четыре пальца вместо трех. – Английский даже не считаю, – пренебрежительно объяснил он. – Шведский немного знаю. В Греции у людей способности к языкам очень хорошие. Это страна такая, здесь у всех все получается!

Он лучился нескрываемой гордостью.

– У тебя акцента почти нет, вот что удивительно.

Илюшину показалось, что улыбка мальчика потускнела.

– Туристов много, – сказал Ян, отводя взгляд. – Есть за кем повторять.

Двадцать минут спустя вернулся Сергей.

– Дохлый номер. Вообще ничего не знают. Не видели, не слышали, сами в шоке, наверняка ее муж убил... короче, стандартный набор свидетеля.

– Почему муж?

– Потому что они читали детективы. По закону он получает наследство. Об этом мне напомнили четыре раза, чтобы я не забыл.

– Ян, у тебя есть версии, где может быть Гаврилова? – неожиданно спросил Макар.

Тот вытянул губы трубочкой.

– Я над этим много думал! Все говорят, она со скал свалилась. Я не верю.

– Почему?

– Без фотоаппарата утром ни разу ее не встречал. – Юноша почти дословно повторил объяснение Гаврилова.

– У нее были знакомые в деревне?

Ян пожал плечами.

– Она много где бродила... Птиц любила фотографировать. Могла и познакомиться. Не знаю. Я не видел.

– А тапочки? – Поворот темы был таким внезапным, что Ян высоко поднял брови. – Тапочки, Ян. Они во всех номерах одинаковые?

Макар кивнул на пару обуви, напоминавшую сланцы: с перемычкой и тонкой резиновой подошвой.

– А, эти... Из Китая заказывают, стоят дешевле, чем из ткани. Правда, разваливаются быстро. Да, везде такие.

Илюшин выключил планшет и поднялся.

– Серега, я проведу рекогносцировку местности. А вы принимайтесь за полный опрос свидетелей.

– Их уже полиция опрашивала дважды, – осторожно заметил Ян.

– Ничего, потерпят. Здесь не так много развлечений, чтобы отказываться от дополнительного.

Сергей взглянул на свое отражение в бело-голубой гавайке с красными попугаями и беззвучно выругался.

Выйдя из отеля, Макар Илюшин пошел не в сторону моря, а в направлении холмов. Агата, скукавшая за стойкой регистрации, насыпала ему перед уходом в ладони целую горсть мелких цветных леденцов.

– Ешь, мой сладенький!

Русский, конечно, ни слова не понял.

Она проводила его взглядом и непроизвольно облизнула губы. Ясноглазый, русоволосый, улыбчивый... Ах, рыбонька моя!

Но тут же пожала плечами. Все эти светлокожие рыбоньки на третий день отдыха ползут мимо прожаренными креветками, и плечи их дымятся, а в глазах плещется мутный кисель раскаяния. Этот не станет исключением. Туристы!

Агата не любила их за то, что они приезжали и уезжали, воспользовавшись ее страной как одноразовой салфеткой, чтобы стереть усталость, въевшуюся в их серые лица. Являются на две недели, будто у них есть на это право! Было что-то унижительное в той легкости, с которой туристы осваивали ее благословенный край. Словно бабочки, кратко приземлившись на цветущий луг и тут же взлетевшие, чтобы бездумно нестись к иным полям, к другим медоносам. Это обесценивало ее родину. «Даже историю не знают!» – фыркала Агата с тем чувством уязвленного превосходства, с которым

продавец сокровищ смотрит на проходящих мимо покупателей, что отворачивают глупые лица от его неподдельных ваз династии Мин к сувенирным пагодам из пластика.

Илюшин миновал безлюдную парковку, свернул с главной дороги и стал взбираться на холм. К вершине вела хорошо утоптанная тропа, но сойти с нее не было никакой возможности: склон покрывал низкий колючий кустарник с очень толстыми, будто резиновыми листьями. Кое-где его плотное полотно протыкали острые веретена можжевельника и низкие деревца со скрюченными стволами. Выше зеленели сосны. В чистейшем прозрачном воздухе был разлит запах хвои.

За поворотом открылась площадка, к краю которой кто-то заботливо подтащил поваленный ствол. Солнце сверкало в янтарных каплях смолы. Илюшин сел, не заботясь о чистоте своих брюк, отхлебнул теплой воды из бутылки и осмотрелся.

По правую руку внизу виднелась деревушка – хаотично разбросанные у подножия холма красные крыши и неровно нарезанные лоскуты земельных участков. На каждом лежали сероватые пузыри теплиц.

Но куда больше, чем деревня, Макара заинтересовало то, что было перед ней.

Относительно ровная линия берега в этом месте нарушалась бухтой, глубоко врезавшейся в сушу. Сверху это выглядело так, словно исполинское чудовище, разинув пасть, вы-

грызло из тела земли огромный кусок. При некоторой доле воображения можно было даже разглядеть отпечатки зубов.

Слева на крайней точке полукруга белел отель.

А справа, на дальней стороне бухты, совершенно симметрично гостинице стоял черный дом.

Он производил до странности зловещее впечатление – то ли потому, что являлся зеркальной противоположностью отеля, то ли из-за своей обособленности. К нему вела узкая желтая дорога, петлявшая среди оливковых рощ.

Чем дольше Илюшин смотрел на мрачную постройку, тем больший внутренний протест она в нем вызывала. Природу этого ощущения он не мог уловить. Дом выглядел чужеродным и отталкивающим, точно надгробие на детской площадке, точно украшенная черепами изба Бабы-яги, перенесенная ураганом из еловой чащобы на скалистый берег Эгейского моря. Но помимо этого существовало что-то еще – неуловимое, как тень хищной птицы, промелькнувшей над головой.

Он сидел, чувствуя, как стекают по спине капли пота, рассматривал сверкающее вдалеке море и наконец, приняв решение, встал.

Сколько здесь – три километра, четыре? Стоило бы вернуться в отель и еще раз поговорить с Гавриловым, но дом манил Илюшина к себе. Он не мог оторвать от него взгляд. Так пальцы тянутся потрогать ноющий зуб, от которого по челюсти расплзается боль.

Солнце припекало с каждой минутой все сильнее. Если бы не ветер, долетавший с моря, жара была бы нестерпимой. Пока Илюшин спускался с холма, путь казался легким, но над асфальтовой дорогой воздух внезапно сгустился в горячее желе, и даже звуки, казалось, просачивались сквозь него с трудом. Только острый стрекот цикад распарывал тишину да редкий шорох травы, когда очередная ящерица удирала с обочины в сухие заросли.

Макар обливался потом, но продолжал идти с уверенностью человека, знающего, что совершает ошибку, и знающего, что ошибка эта ему необходима.

Пусто. Знойно. Пыль вспыхивает облачком под подошвой, словно с каждым шагом давишь табачный гриб. Солнце выжигает дыру в соломенном сомбреро.

Когда Макар уже начал всерьез раскаиваться в своей затее, дорога вынырнула из оливковой рощи. Он оказался перед забором, густо обсаженным миртом. На железных воротах, выкрашенных в серый цвет, были отпечатаны силуэты оскалившихся собак; надпись с восклицательным знаком и уточнением «danger» говорила сама за себя.

Он хотел обойти огороженную территорию, но с одной стороны уперся в непролазные заросли, а с другой – в нагромождения валунов на краю обрыва. Дважды попытавшись взять их штурмом, Илюшин осознал, что рискует переломать ноги.

Чертовски странное место, подумал он. Все на виду, но не

подберешься.

С дальней стороны участок был естественным образом ограничен возвышенностью, напоминавшей холм, верхушку которого срезали острым ножом. Прищурившись, Макар разглядел на ее склоне в темно-зеленых зарослях мирта и вереска одноэтажное строение. Оттуда и дом, и участок должны быть видны как на ладони.

Но сейчас искать тропу к нему было бы безумием.

Илюшин опрокинул в рот последний глоток из бутылки, подошел к воротам и нажал на звонок.

Вместо лая изнутри донеслось блеяние. Прошло не меньше пяти минут. Наконец, со скрипом приоткрылась маленькая калитка, и вышла тщедушная пожилая женщина в черном платке и глухом платье до пят. Она смотрела на Макара без улыбки, без любопытства, без приязни; на ее непроницаемом лице не отразилось даже немого вопроса – что ему нужно? Взгляд, странно пустой и при этом сосредоточенный, был устремлен сквозь него.

Илюшину стало не по себе.

– Калимера! – Он заставил себя улыбнуться. – Сорри, май вотер... Вотер из финиш!

И помахал пустой бутылкой.

Женщина не шелохнулась. Странное дело: даже приглядевшись, он не мог определить цвет ее глаз.

– Вил ю хелп ми, плиз, – сделал Макар еще одну попытку. Не поворачиваясь к нему спиной, она шагнула назад. Ка-

литка захлопнулась. Скрипнул засов.

– Знаменитое греческое гостеприимство, – пробормотал Илюшин.

Он растерялся, что случилось с ним редко.

Во рту пересохло. Теперь его действительно мучила жажда. Макар представил обратный путь, ушел под самый большой валун и сел в тени, надвинув сомбреро на глаза. Отдохнуть – и назад.

Снова послышался скрип. Илюшин открыл глаза и вскочил.

К нему приближался высокий широкоплечий грек в свободной белой рубаше и хлопковых штанах, подвернутых до колен. Возраст его был трудноопределим. Сперва Макар решил, что ему около пятидесяти, затем взглянул на морщины, прорезавшие лоб, и набросил еще десять лет. Лицо его дышало большой внутренней силой. Он казался своего рода противоположностью той безликой старухе, которая встретила Макара.

«Хозяин», – понял Илюшин.

– Ясас! – сказал он, вспоминая разговорник. – Паракало... Вотер!

Из калитки выскочила толстая белая коза, подбежала к греку и ткнулась мордой в ноги. Тот ласково погладил ее. На хмуром лице проступила улыбка.

Но при взгляде на Макара улыбка исчезла. Грек протянул мозолистую руку за бутылкой – Илюшин молча отдал ее, –

и скрылся.

На склоне возле сарая что-то промелькнуло. Что-то пестрое. Внезапно солнечный зайчик вспыхнул в глазах Илюшина, и он на несколько секунд ослеп.

Вскоре грек возвратился.

– Паре!

В бутылке плескалась холодная вода.

– О! Эфхаристо!

В ответ на его благодарность хозяин пожал плечами.

– Это ваш дом? – по-английски спросил Илюшин, сопровождая вопрос жестом.

Старик уставился на него. Ни один мускул в лице не дрогнул, но Макар отчетливо ощутил исходящую от грека немую угрозу.

– Здесь очень красиво, – сделал он еще одну попытку и обвел рукой побережье. – Никогда не был в таком прекрасном месте. Вери быютифул!

На мгновение у него возникло ощущение, что его сейчас собьет с ног страшный удар. Никаких предпосылок для этого подозрения не было: грек по-прежнему стоял неподвижно, положив ладонь на загривок козы, сопровождавшей его, словно собачонка.

Наконец губы старика дрогнули.

– Быютифул, – повторил он за Макаром с преувеличенно выраженным акцентом, придававшим одному-единственному слову оттенок глубочайшей издевки. Если до этого Илю-

шин прикидывался туповатым туристом, то теперь он себя им действительно ощутил.

– Эфхаристо, – сказал Макар и пошел по дороге, чувствуя, как спину ему сверлит презрительный взгляд.

А еще один взгляд провожал его от сарая, скрытого в зарослях. В этом он мог бы поклясться, даже не поворачивая головы, чтобы проверить свою догадку.

Глава 4

Русма, 1992

1

Именно в Русме двенадцатилетняя Оля Белкина по-настоящему осознает важность обучения.

К школе это не имеет никакого отношения.

Оценки выставляются по обратной шкале, от нуля вниз. Если ты хорошо подготовилась, ничего не случится. Мама будет готовить ужин, отец рассказывать о проекте свинофермы, которую он откроет, когда у него появятся деньги. Об их происхождении он умалчивает, а они благоразумно не спрашивают.

Если ты совершила маленькую ошибку, получи минус один. Оплеуха Ольге или маме – легкая, обманчиво небрежная, словно хозяин треплет собаку, – так это могло бы выглядеть со стороны, если бы у приступов отцовского гнева были свидетели.

Минус два – нужно быть готовой увернуться. Получишь минус два, и в ход пойдут вещи. Оля учится экстерном, и ее отношение к материальному миру меняется довольно быст-

ро. Например, веник! Веник – смешная штуковина, довольно неожиданная, если рассматривать ее в контексте причинения боли другому человеку. Зато формируется полезная привычка любой предмет встраивать в этот контекст.

Поэтому в их доме всегда образцовый порядок. Оля следит за тем, чтобы на подоконнике не оказался утюг, а шланг от пылесоса был свернут в кладовке. Точно заботливый домовой, оберегающий хозяина, Оля ходит за мамой и прячет вещи, которые та неосмотрительно забывает на виду. Нет ни одной безопасной. А если тебе покажется, что это не так, вспомни тот случай, когда он ткнул ее в ухо пинцетом.

Минус три: плохо, девочка, плохо. Ты не справляешься.

Последний раз тройку Оля получила два месяца назад. Отец сидел за обеденным столом, закипая от ярости. У его гнева не было видимой причины, Оля с мамой вели себя хорошо. Но она обязана была распознать, что отец зол, с той минуты, как он вошел в дом.

Целых две ошибки!

Оля не заметила, как он принюхивался к супу, – раз. И как дернул ртом в ответ на мамины слова о том, что курица ей на рынке сегодня досталась со скидкой, – два.

Девочки, которые хорошо учатся, должны опережать логику своих мам и пап.

«Это вроде как намек на то, что я денег в дом не несу? Нам скидку делают, как нищим?» – вкрадчиво спросил отец.

Секунду спустя вилка вонзилась в стол. Мама еле успела отдернуть руку, а вилка сломалась, и отец заорал уже в полный голос, освобожденно выпуская из глотки целый улей взбесившихся жалящих слов: *из-за тебя сука в этом доме все дерьмо...*

Что было дальше, Оля предпочитает не вспоминать.

Минус четыре получают безмозглые девочки. Девочки, которые вовремя не сообразили, что пуговицу на папиных джинсах следует незаметно переставить – так, чтобы он постепенно отказался от привычки носить ремень. И на брюках тоже. И не забыть про вторую пару. И внимательно следить за его весом: если папа похудеет, снова перешить пуговицу, чтобы ремни висели в шкафу, безобидные и противные, какдохлые змеи.

Минус пяти еще не было.

Оля очень старается быть хорошей ученицей. В ней просыпается маленький зверек; их выживание зависит от его чутья.

Зверек и Оля умеют по шагам определять, насколько пьяным отец вернулся домой. Их внимание к деталям обостряется до предела.

Из кармана торчит пачка «Мальборо»? Значит, его угостил Витя Левченко; отказаться отец не в силах, но он расце-

нивает дружеский жест как намек на его несостоятельность – не способен даже сигарет себе купить! – и в душе его клокочет бешенство, ища лишь повода, чтобы вырваться наружу.

Тише, мама, тише. Не зли его, мама.

Словно паучок, затаившийся в центре своего сложного плетения, Оля контролирует подрагивание невидимых нитей; она научилась ловить еще не высказанную угрозу, заранее протягивать руки, чтобы созревшее яблоко его гнева упало в подставленные ладони.

Полтора года в Русме, по словам отца, пошли его дочери на пользу. «Ты здоровее любого городского засранца!» Это правда. Оля двигается куда ловчее, чем прежде. Она умеет уклониться от удара, который другого ребенка застал бы врасплох.

Не говоря уже о навыках дипломатии. Нельзя открыто занять сторону матери. Но по умолчанию подразумевается, что Оле разрешено исправлять некоторые... последствия.

...Отец стоит в дверях ванной, смотрит, как она размазывает пальцем жидкий тональник по иссиня-лиловому вздутию. Это называется «растущевывать». Нежное слово, точно перышком коснулись.

– Возьми с собой какую-нибудь пудру, Наташа, – недовольно говорит он. – Чтобы на тебя пальцем не показывали. Позорище...

Оля молча выдавливает на палец еще каплю средства.

– Ужас, до чего дурная баба способна довести нормально-го мужика, – сокрушенно бормочет отец.

Дверь за ним закрывается. Оля с мамой остаются вдвоем.

– Я тебе пудру уже положила, – говорит девочка. – В сумку, в боковой карман.

Мама поднимает на нее глаза. Вернее было бы сказать, один глаз. Правый. Левый затек, его подпирает снизу разбухшая скула, напоминающая баклажан, зачем-то выросший из человека. Из узенькой щели торчат длинные мамины ресницы. Глазного яблока не видно. Оля может выдавить на ее лицо все содержимое тюбика с тональным кремом. Глаз от этого не появится. Он спрятался глубоко-глубоко и боится выглянуть наружу.

– Котенька, папа не специально, – тихо говорит мама. – Он просто очень нервничает. У него не получается с огородом, и дом запущен... Не сердись на него. Он сам страдает. Папе хотелось бы, чтобы у нас было все самое лучшее. Но работы пока нет, а с фермой... С фермой все сложится, просто не сразу.

«Я сейчас ударю ее», – думает Оля. На какую-то долю секунды она вдруг прекрасно понимает отца, более того – видит мать его глазами, и пальцы сами сжимаются в кулак. Врезать бы по этой вечно виноватой толстой овечьей морде!

Девочка кладет тюбик на полку, снимает с батареи горячее полотенце и зачем-то начинает вытирать сухие ладони – очень медленно, очень тщательно.

– Я сама виновата. Провоцирую его. – Голос мамы полон раскаяния. – Но знаешь, если люди любят друг друга, они все перенесут, пройдут рука об руку весь путь. У нас просто... тяжелое время. Да. Тяжелое время.

Холодные ее пальцы вдруг обхватывают Олино запястье. Это как прикосновение мертвеца, и девочка вздрагивает всем телом. Ее мама толстая, большая, живая и теплая! У нее не должны быть такие руки!

– Миленькая моя, лапушка, я же вижу, как тебе тяжело, – задыхаясь, говорит мать. – Но ведь он тебя почти не трогает, верно? А я потерплю! Ты не бойся за меня, правда, я потерплю, честное слово!

– Зачем? – сквозь зубы спрашивает Оля.

Она смотрит на мать, а та смотрит на нее: две девочки, отчего-то поменявшиеся местами: одна взрослая и очень уставшая, вторая – несообразительный ребенок, думающий, что даже в аду можно жить, если не сердить дьявола.

Мама ласково гладит Олю по щеке.

– Глупенькая ты. Это ведь не папа меня наказывает. Это водка в нем говорит. Если бы он не пил, ничего такого не было бы. Папа – человек очень добрый, отзывчивый. Я помню, как мы в Дзержинске жили... Лужа была перед подъездом, жидкая такая, черная. А я в туфлях. И папа меня каждый день на руках через нее переносил. В парке мы с ним гуляли, листья собирали кленовые... Он желтые, я красные. А однажды венок из листьев мне сплел и говорит: «Ты у ме-

ня королева осени».

На лице ее появляется мечтательное выражение.

Это зрелище – едва ли не самое страшное из всех, что Оля Белкина видела за свою жизнь: женщина, сидящая на краю ванны и улыбающаяся своим воспоминаниям о человеке, три часа назад вмявшем кулак в ее лицо.

– Все у нас будет хорошо, – уверенно заканчивает мама. – Переживем мы эту черную полосу. Лишь бы папа не пил. И с его проектом все получится, он ведь очень умный, папка твоя! Ты у меня тоже умница.

Она целует девочку в лоб и хлопает в ладоши:

– Вставайте, граф, вас ждут великие дела!

На лице ее напускное оживление.

– Все, котенька, побегу работать. А ты в школу опоздала, между прочим! Геометрию не пропускай, потом сложно будет нагнать. Давай, Олька, не подводи меня!

Мама улыбается, гладит девочку по плечу. Она держится так, словно последних восьми часов в ее жизни просто не было.

Проводив ее, Оля бредет в свою комнату.

– Геометрия, – бормочет она. – Свойства равнобедренного треугольника. Теорема о соответственных углах параллельных прямых, пересеченных секущей.

При слове «секущей» желудок конвульсивно сжимается. Девочка едва успевает метнуться к кухонной раковине, и ее выворачивает прямо на непомытую отцовскую чашку с Рок-

ки Бальбоа, которую они с мамой подарили ему на прошлый день рождения.

2

День стоит весенний, солнечный, яркий и очень ветреный. Один из тех дней, когда, сидя дома, жалеешь, что не бродишь по улице, а выйдя на улицу, жалеешь, что не остался дома.

Ветер забивает узкие бутылочные горлышки улиц пылью и мусором. Ветер толкает в грудь двоих подростков, идущих по проселочной дороге. Однако те и не думают возвращаться.

Их класс в эту минуту пишет контрольную по литературе. Двое подростков направляются прочь от Русмы. У мальчика за плечами рюкзак с припасами, девочка постукивает самодельным посохом; ручка обмотана изолентой.

Половину пути они проделали на рейсовом автобусе. Им осталась всего пара километров; Оля с Димкой рассчитывали преодолеть их быстро, но ветер сегодня не с ними заодно.

– Ненавижу ее, – говорит Оля. – Ты себе представить не можешь, как я ее ненавижу.

Они сворачивают с проселочной дороги и углубляются по тропинке в поле. К заброшенной ферме есть и прямой путь. Он куда короче. Но с той стороны участок Бурцева отделен от поселка вром, размытым после дождей.

– Чушь! – лаконично отзывается Димка.

– Честное слово. Она все время ест. С тех пор как переехали, набрала килограмм тридцать! Она уже под восемьдесят весит!

Димка думает, что Белкина мама похожа на подтаявшего снеговика; еще он думает, что она весит уже под сто, но вслух этого не говорит.

– Он же ее постоянно кормит! – продолжает Белка. – Картошку жарит в сале. Пельмени ей отваривает! Потом они сидят, точно два голубка, он пельмешек на вилку наколет, в сметану обмакнет – и протягивает ей, как ребенку. Еще и подует на него! А она лопает!

– Слушай, по-моему, это довольно мило. – Димка перехватывает поудобнее рюкзак. – Ну, в смысле, это все дрянь, конечно, все эти сюсюканья у взрослых. Но с другой стороны, может и неплохо, что он с ней нежничает.

– Ты не понимаешь! – Оля резко останавливается.

Ветер треплет ее короткие волосы.

Еще неделю назад она ходила с каштановым каре – Димке очень нравилась эта прическа. Все девчонки с тощими косицами, а у Белки на башке римский шлем легионера: гладкий, из темной меди. Но три дня назад подруга явилась в школу коротко стриженной, причем, судя по торчащим в разные стороны прядям, не удосужилась дойти до парикмахерши, а облованила себя сама. Классная подняла было шум. Однако с Белкой спорить сложно. Она стоит со спокойным видом, кивает и твердит: да-да, простите, я не подумала. При этом

ни раскаяния в ее голосе, ни вызова, ни притворства. Взрослые теряются и отступают.

– Выглядит так, словно... словно он ее откармливает! На убой! Знаешь, есть такое блюдо – фуа-гра.

– Утиная печень.

– Вот-вот. Утку подвешивают с разинутым клювом и питают в нее еду. Она жрет и жиреет, жрет и жиреет. А потом ее забивают, а печень едят гурманы. Она как будто его любимая уточка! Хотя сейчас, наверное, уже корова...

Синекольский хмыкает, не удержавшись.

– Страшно мне на это смотреть, Дим, – очень серьезно говорит Белка. – Она толстеет, а он ее кормит. К нам на днях Левченки заходили. Отец как раз готовил мясо под майонезом в духовке. Жир так и течет! Пахнет, конечно, зашибись. Дядя Витя спрашивает: «Марин, как называется, когда у людей все хорошо?» Она ему: «Идиллия, Вить». И они давай наперебой повторять, какая у мамы с папой идиллия. А эти двое сидят, лыбятся, типа счастливые...

Белка с силой сшибает палкой ранний подсолнух.

– Оль, а может, и правда счастливые? – осторожно спрашивает Димка. – Я слышал, у мужа с женой бывает такое. Вроде как сильно поссориться, чтобы потом... ээээ...

– ...примирение было ярче, – мрачно говорит Белка.

– О, точно! Примирение!

Они выходят на край поля. Отсюда уже видны две полушеры, похожие на шляпки гигантских поганок.

– Ну, может, – нехотя соглашается Белка. – Не знаю... Жалко мне ее, аж сердце дерет. Будто скипидаром плеснули.

– А говорила – ненавидишь...

Девочка обреченно машет рукой и надолго замолкает.

Они идут через поле. Земля пружинит под ногами. Мелкие птицы вспархивают из травы и потом долго кружат в умытом небе.

– А отца? – спрашивает Димка.

– Что отца?

– Ну, мать тебе жалко. А с отцом что?

Родители Синекольского приезжают раз в год, и две недели Димка купается в коротком горячем счастье. Он смутно помнит те времена, когда они жили вместе. Никто никого не бил. Только бабка ходила с протухшим лицом, но Синекольский уверен, что она и родилась с таким, и к райским воротам подойдет с этим же выражением, принюхиваясь, чем воняет от облака. Ее, конечно, возьмут в рай, думает Димка. Бабка безгрешна, как гладильная доска.

Оля смотрит на друга. Проводит рукой по коротким прядям. И тут до Синекольского внезапно доходит, отчего она обстригла волосы.

– Теперь не ухватишь, – говорит девочка и улыбается. Это, наверное, худшая улыбка из всех, которые Димка видел за свою жизнь.

В десяти шагах вырастает покосившаяся ограда из металлической сетки. Ее давно обглодала ржавчина. Влево и впра-

во, насколько хватает взгляда, уходит длинный ряд столбов.

– Пришли...

Они пролезают в ближайшую дыру, стараясь не зацепить одежду торчащими крючками.

– Мы с тобой как две рыбы, которые нашли прореху в сети.

– Лишь бы не зажарили, – откликается Белка. – Слушай, а если все-таки сторож?

– Свалим!

– Стремно.

– Да брось, – насмешливо говорит Димка, – какой нафиг сторож? Чего ему тут сторожить, крапиву?

– Ну не знаю. Может, этого, в бассейне?

– Ерунда. Нет там никого!

– А вдруг есть?

Они препираются еще минут пять, без огонька, лишь затем, чтобы внутренне подготовиться к тому, ради чего заявились сюда, сбежав с уроков. Обоим не по себе.

Бурцев – местная притча во языцех. А ферма Бурцева – запретное место. Если узнают, что они были здесь...

– Никто нас не увидит, – с преувеличенной твердостью говорит Димка и авторитетно харкает в траву.

– Да уж надеюсь!

Пару лет назад городской человек Геннадий Бурцев выкупил несколько гектаров земли под Русмой и собрался фермерствовать. Его вел дух предпринимательства. Как и Нико-

лай Белкин, Геннадий никогда не имел дела с сельским хозяйством, но в отличие от Николая прочитал множество книг и рационализировал в теории кое-какие идеи, изложенные предшественниками. Их он собирался воплотить на русминской земле.

Долговязый Бурцев носил подтяжки поверх свитера, а на кудрявой черноволосой голове – шляпу с заломленными полями. Уже одного этого было достаточно, чтобы за ним закрепилась слава чудака. Вдобавок он выражался высокопарно и туманно, твердил, что приведет Русму к славе, и в целом производил впечатление блаженного, обремененного делами.

Еще никто не знал, в чем состоят его проекты, но им уже предрекали скорый крах. Он был чужак, причем чужак инициативный – порода людей, вызывающая в любом маленьком сообществе неприязненное любопытство. Ему желали провала. Русминские мужики, завидев Бурцева в магазине, подходили и принимались грубовато учить его жизни. Не строился бы ты на поле, Геннадий! Там, говорят, подземные воды близко. Не надо тебе туда лезть. Промыкаешься зря.

– Кто говорит? – спрашивал Бурцев.

В ответ пожимали плечами.

Бурцев отходил, за его спиной оставалось висеть облако враждебных шепотков.

Он возвел на своем участке коровник, начал подводить коммуникации. Отделил пастбище для кормовых культур и

завез землю, стоившую безумных денег. Поставил два ангара, которые получили условное название зернохранилищ, – условное, потому что истинное их назначение так и осталось неясным.

В одном из них Бурцев вырыл котлован и забетонировал его. «Три метра глубины! – рассказывали рабочие. – А в длину все семь». Сколько у Геннадия ни спрашивали о его функции, тот лишь загадочно улыбался и отвечал, что всему свое время.

Время пришло очень скоро. Но принесло не то, что ожидал несчастный чужак.

Рабочие, пришедшие утром, обнаружили, что яма заполнена ледяной водой. Одновременно подмыло фундамент коровника. Три секции, отведенные под боксы, рухнули, и только чудом никто не пострадал.

Прибежавший в ужасе Бурцев застал на своем участке апокалиптическую картину. Поле было покрыто ровным слоем черной воды. Земля, словно рассердившись на безумца, выдавила сок из своих недр и растворила в нем амбициозные планы чужака.

Бурцев привез из Москвы специального ученого человека. Ученый человек подтвердил то, что местным было ясно сразу: строиться здесь нельзя. Колебания грунтовых вод на участке непредсказуемы из-за подземных ключей. Кроме того, есть и еще причины... Человек стал перечислять их одну за другой, но несостоявшийся фермер уже не слушал. Он

понял одно: вода не уйдет.

В этом Бурцев ошибся. На третий день земные соки растворились без следа. Залитой осталась лишь яма. Воду выкачали, однако она вернулась сутки спустя. Повторили – и снова наутро увидели бассейн, глянцево поблескивающий под лучами фонарей. Третью попытку предприняли из чистого интереса. Вода упрямо возвращалась. Струйки просачивались сквозь трещины в бетоне, ледяные упрямые струйки, словно змейки, нашедшие место, где можно безбоязненно свернуться и уснуть.

В конце концов на зернохранилище махнули рукой. Сонная темная вода воцарилась в отвоеванной у людей яме.

Бурцев, потрясенный катастрофой, пропал из Русмы навсегда. Говорили, что предприятие, приносившее ему доход, разорилось одновременно с пришествием воды. Еще говорили, что он собирался не то вешаться, не то стреляться, но в итоге отравился испорченными грибами – не нарочно, а просто так сложилась судьба. Кто-то утверждал, что нашлась невинная душа, которая полюбила дурачка, и Бурцев счастливо женился. Женившись же, забыл о глупостях и устроился менеджером в салон сотовой связи.

Бурцев мелькнул на небосклоне Русмы лихой кометой с подпаленным хвостом. Он остался в коллективной памяти кем-то вроде персонажа анекдота – полумифическое существо, утрированный до карикатурности образ. По прошествии двух лет многие уже не рисковали утверждать досто-

верно, был ли Бурцев. Хотя попадались и такие, кто считал, что тот живет неподалеку и время от времени приезжает посмотреть на заброшенный участок.

Зато ферма Бурцева была.

Она быстро пришла в негодность и запустение. Технику разворовали. Коровник обрушился окончательно пару месяцев спустя после затопления. Его тоже разобрали, унеся все, что можно было утащить. Теперь из травы торчал изломанный скелет здания с перекрученным хребтом. Первый амбар стоял пустой, вокруг второго поставили заграждение и повесили таблички: НЕ ВХОДИТЬ! ОПАСНО!

Цепочку Белка перепрыгивает. Синекольский просто отодвигает заграждение.

– Дверь, – шепчет девочка.

Двери нет. Изуродованное металлическое полотно валяется в траве и выглядит так, словно по нему топтался великан. Зернохранилище слепо таращится на детей циклопическим глазом.

– Я же говорил, тут кто-то ходит. Только не сторож. Кто угодно, но не сторож. Нечего тут охранять.

Мальчик достает из рюкзака фонарик.

– Пошли!

Оля ожидает, что ангар внутри будет похож на пещеру. Но все оказывается куда грубее и прозаичнее. Темно и сыро, вохнет затхлостью. Единственное светлое пятно – прямоуголь-

ник, падающий от входа. В глубине амбара тени сгущаются в непроглядную черноту.

Луч фонарика распахивает тело сумрака пополам.

– Ну-у-у, – разочарованно тянет Димка. – Ничего и нету.

– Ты не нукай, ты в бассейн свети!

Бассейн – то, ради чего они пришли сюда.

Подходить к нему запрещено. Нельзя даже заглядывать в амбар. Котлован небольшой, он выглядит безобидным. Но вода, однажды добравшись до отметки в два метра, выше уже не поднялась.

А глубина ямы – три.

Через год после того, как Бурцев исчез, бросив свою ферму на произвол судьбы, туда упал местный сторож, забредший в ангар неведомо зачем. Случилось это ранним утром.

В одну из стен бассейна рабочие успели вбить скобы. Но когда сторож схватился за нижнюю скобу, она выпала, словно гнилой зуб, из раскрошившегося цемента, и тихо легла на дно.

От спасительной поверхности сторожа отделял лишь метр. Но преодолеть этот метр, барахтаясь в ледяной воде, он не мог.

«Я, значит, за край-то пытаюсь уцепиться, – рассказывал потом бедняга, – и вроде вот он, прямо над тобой, а попробуй выберись! Я уж и брюхом по стене ерзал, и ногами упирался... Ну что ты хочешь делай – сваливаюсь обратно! Думал, кранты мне. Самое обидное – в луже утонуть», – закан-

чивал он.

Сторожа вытащили подростки, бродившие неподалеку и услышавшие крики. С тех пор зернохранилище огородили. Место, и без того пользовавшееся нехорошей славой, стало запретным.

– Ну и где? – шепотом спросила Оля.

Димка посветил в воду. Ничего.

– Да гонит твой Грицевец!

– Может, и гонит, – пробормотал Синекольский, – а может, и нет... Смотри!

Он схватил девочку за руку. Оля вздрогнула от неожиданности.

– Что там?

– Тень какая-то! По дну ползла!

Оба склонились над водой, с жадным страхом вглядываясь вглубь.

Минута, вторая, третья...

– Показалось, – разочарованно выдохнул Димка. – Хотя... Ну-ка, палкой пошуруй!

Оля опустила свой посох в воду и принялась медленно водить, разгоняя в стороны мелкую волну.

Девятиклассник Женька Грицевец, накурившись конопля, рассказал, что Бурцев был прикрытием серьезного эксперимента, и ферма его – никакая не ферма, а полигон для нового оружия. Потому и вода поднялась: нарушили что-то

в нижних слоях земли.

Услышав про нижние слои, Синекольский заржал. Ему косяка никто не предложил, что было обидно, так что ржал он на трезвую голову, вызывая своим смехом мстят за пренебрежение.

Своей цели Димка добился: Грицевец почувствовал себя уязвленным. «А в зернохранилище живет искусственно выведенная тварь, – сказал он, подчеркнуто не обращая внимания на школьного шута. – Человек с жабрами. Для него и яму вырыли. Только мы-то не дураки. Ясно же, что через цемент вода сама не пройдет. Там особая конструкция. А сторож приходил кормить его, но увидел в первый раз, потому и свалился. От страха, ага».

– И зачем в Русме чувак с жабрами? – лениво поинтересовался Синекольский. – Нам своих уродов мало?

– Совсем тупой? Здесь его выращивают. А потом увезут на океан.

– Ага. Вражеские подлодки взрывать.

Синекольский надул щеки, выпучил глаза и издал губами неприличный звук. Вокруг засмеялись.

– Тебя предки бабуле сбагрили, чтобы ты их не позорил? – спросил Грицевец. Улыбка сползла с Димкиного лица. – Вообще-то именно для этого. Гидроакустическая система только другие подлодки обнаруживает. А человека не может! Понял, дебил?

Кто-то осторожно заметил, что вроде сейчас ни с кем не

воюем. Но Грицевец даже отвечать не стал. Многозначительно пожал плечами и затянулся косячком. Победа осталась за ним.

Димку разрывают два чувства. Хочется доказать, что Женька – завравшееся трепло. В то же время он все бы отдал, чтобы из черной воды к ним выплыла зубастая тварь с человеческими глазами.

– Видишь что-нибудь?

– Не-а.

Оля замерзла, бултыхать палкой в воде ей надоело.

Однажды, когда они с мамой еще жили в Дзержинске, в город приезжал луна-парк. Афиши развесили заранее, и целых две недели маленькая Оля ждала сказочного города. Она рисовала передвижные замки, полосатые дирижабли и паровоз, развозящий пассажиров по пещерам с золотом.

Прибывший луна-парк оказался набором дешевых аттракционов. Было в нем что-то от старухи, густо накрасившей лицо в надежде сойти за красавицу в ночном сумраке и в этой размалеванной ипостаси выглядящей до отвращения жалко; как и старуха, луна-парк мог существовать только ночью: искусственные огни обладают волшебным свойством обращать ложь в мечту. Но на ночь луна-парк закрывался. А дневной свет обнажал фальшивку. Даже не старуха, а ее размалеванный труп дрыгал ногами в гротескной пародии на канкан.

Оля рыдала три дня. Затем достала альбом и дорисовала дирижаблю окна. Пассажиры должны видеть землю и облака, иначе их может укачать.

Отстояв таким образом свою реальность от грубого вмешательства чужой, она совершенно успокоилась.

Зернохранилище оказалось лишено даже намека на тайну. Но ее мысленный альбом был полон стремительных карандашных зарисовок: они с Димкой идут через поле; шутливо толкаются в автобусе за место у окна; Димка на чердаке с мотком изоленты мастерит ручку для посоха.

Вот зачем был весь их поход, а не из-за какого-то дурацкого человека-амфибии.

– У тебя в рюкзаке что? – вспоминает Оля. – Бутерброды?

– Два. С колбасой и сыром.

– И чай?

– И чай.

Девочка с оглушительным стуком бьет палкой по воде. Брызги обдают обоих.

– Эй! Ты чего?

– Все! Пошли отсюда! Грицевец – трепач. А у тебя – бутерброды!

Чуть позже они сидят на пригорке, жуют и подставляют лица солнечным лучам.

– Марине можно рассказать? – спрашивает Оля. – Ну, про зернохранилище.

– Марине можно.

Марина – жена Виктора Левченко, и, по мнению обоих ребят, единственный дельный взрослый человек на всю Русму. Марина маленькая и костлявая. Она много курит, носит мужские ботинки и поет хриплым голосом похабные чапушки. У Марины блестящие глаза, кривые зубы и такая улыбка, что невозможно не улыбнуться в ответ. Она похожа на тощего, вечно пьяного скворца, которому бы летать и летать, но его по ошибке запихнули в женское тело и приземлили в Русме.

– Может, сюда ее приведем?

– Еще чего! Что она тут забыла...

Родилась Марина не здесь. Она из Петербурга. Для местных это значит – выскочка и цаца. Ей доверили вести в доме творчества группу вокала для взрослых, а еще она умеет плести бумажных чертей, делать из носового платка танцующего попокрута и варить лохматые сосиски. На вокал Оле плевать, но лохматые сосиски – это вещь! Марина ей двадцать раз показывала: берешь сосиску, протыкаешь насквозь сухой вермишелью, бросаешь в кипяток... Но у Оли все равно не получается нужная степень лохматости.

Марина неуклюжая, и руки у нее вечно в синяках. У Марины вянут даже самые неприхотливые растения. Выкидывать их ей лень, и на подоконниках торчат горшки с засохшей флорой, скукоженной и жутковатой.

Вокруг Марины царит уютное безумие.

Немытые чашки громоздятся в раковине; юбки в лохмо-

тнях, словно разодранные кошками, валяются на кроватях; вихрь вещей кружится вокруг Марины, а дирижирует им она – маленькая ведьма с кривой ухмылкой.

«Это мой способ отстоять собственное пространство!» – заявляет Марина.

Но перед возвращением мужа с работы все прячет. Дядя Витя не поймет про ее пространство. Грязные чашки Марина сует в буфет, скомканные юбки пихает в шкаф, раскрывает окна настежь, чтобы выветрился сигаретный дым. Оле иногда кажется, что и сама Марина в эти минуты тает, спрятанная по шкафам и развеянная ветром.

Подружились они так: отец отправил Олю отнести Виктору книгу о животноводстве.

– А, Белкина-младшая! – сказала Марина, увидев девочку. – Здорово! Бросай эту макулатуру на диван. Есть кофе и пирог. Отыщи там себе чашку без всего этого дерьма.

Кофе оказался потрясающим, пирог несъедобным. Допив, Оля с сожалением сказала, что ей пора. У них урок труда, нельзя опаздывать.

– Что, Доширак?

– Почему «Доширак»? – изумилась Оля. И вдруг сообразила: у трудовички из головы торчат упругие витые локончики яично-желтого цвета.

Девочка прыснула, но неуверенно. Она еще не знала, чего можно ожидать от этой странной женщины.

– Кипятком бы ее залить, – мечтательно добавила Мари-

на.

И вот тогда Оля не выдержала и засмеялась. Трудовичку вся школа терпеть не могла за крикливость и привычку распускать руки.

– Ты заходи после школы, – сказала Марина. – Люблю эксплуатировать труд несовершеннолетних, знаешь ли.

Оля зашла, и они до вечера резались в дурака.

С тех пор раз в неделю, а то и чаще она забегает к Левченкам. Иногда приводит с собой и Синекольского, но только тайком: Димке бабушка запрещает общаться с Мариной. Проститутка, говорит о ней Ирина Сергеевна. Трется, шкура, со всеми подряд, говорит Ирина Сергеевна, и лицо у нее становится как у мертвой курицы.

Оля не очень хорошо понимает, как можно тереться со всеми подряд, и, главное, зачем.

А между мертвой курицей и живым скворцом она всегда выбирает скворца.

В доме Марины можно быть маленькой, глупой и смешной. Можно кусать подушку за угол и тискать ленивую кошку Дусю. Марина сама как ребенок, но лишь при ней Оля перестает чувствовать себя взрослой. Марина окрестила ее Бумбарашкой. Девочка начинала смотреть этот фильм и выключила – очень уж герой противный. Но от Марины это прозвище звучит необходимо.

Иногда они хулиганят. Играют в побег из тюрьмы. Начальником у них назначен дядя Витя, хоть он об этом и не дога-

дывается. Услышав стук калитки и тяжелую поступь, Марина командует: «Дёру!» Тогда Оля вываливается в окно, в заросли уже изрядно примятых флоксов, и сверху в нее летит пачка печенья: продержаться первые дни после побега.

Определенно, нужно зайти сегодня к Марине и рассказать про ферму и болтуна Грицевца.

– Жизнь не так уж и плоха, если у тебя есть бутерброд, – глубокомысленно говорит Оля.

– Если у тебя есть друг, у которого есть бутерброд! – поправляет Синекольский.

До события, которое необратимо перевернет эту не такую уж плохую жизнь, остается один день.

3

Ковер Димка украл.

Рулон, перехваченный сверху и снизу бумажным шпагатом, стоял за дверью кладовки в квартире его собственной бабушки. Ирина Сергеевна не хотела, чтобы внук ходил по ковру грязными ногами. И даже чистыми (хотя чистые ноги у Синекольского случались редко).

Ковер был значительно ценнее внука. Он ждал того счастливого дня, когда мальчика заберут и Ирина Сергеевна останется в квартире одна. Тогда она раскатает его, и поцелует его мягкий ворс, и станцует на нем, босоногая и легкая, и пропоет осанну за избавление от обузы.

Димка всего этого не знал. Он полагал, что бабушка вечно бранит его оттого, что он не оправдывает ее ожиданий. В маленькую бугристую голову Синекольского не укладывалось, что его можно попросту не любить.

Он рассудил так: им с Белкой ковер нужнее.

Подозревая, что бабушка эту логику не одобрит, он решил, как заботливый мальчик, держать ее в неведении.

Из этих же соображений он ничего не сказал и Белке.

Синекольский прежде не воровал ничего тяжелее книжек. Сложности, с которыми сталкиваются похитители бабушкиных ковров, были ему неведомы.

Кое-как он смог вытащить рулон из квартиры. И даже спустил по ступенькам вниз, кряхтя от натуги. Но возле подъезда стало ясно, что мечта об уютном чердаке вот-вот обернется миражом.

От дома Синекольского до пятиэтажки было не больше километра. Но мальчик понимал, что в его положении между километром и двадцатью нет разницы.

Другой подросток сдался бы.

Димка забросил ковер на скамейку и сел возле него — ждать.

В нем жила глубокая, не основанная на объективной реальности убежденность в том, что мир к нему доброжелателен. Это была истинная вера, не требующая доказательств. Но сейчас Димка сообщил небесам, что кое-какое свидетельство их благосклонности ему бы не помешало. Пробыл час!

Когда и явить себя Господу, как не в момент кражи ковра!

Истекла ровно минута.

Из-за угла вывернул бывший сторож фермы Бурцева, Алексей Иванович Ляхов, год назад едва не нашедший свою смерть в бассейне зернохранилища.

Ляхов был в подпитии. Как во многих веселых пьянчужках, отзывчивость в нем уживалась с обидчивостью, и с этой точки зрения он был идеальным орудием, посланным небесами в ответ на кощунственную Димкину молитву.

Отзывчивость заставила Ляхова водрузить ковер на плечо.

– Бабке, значит, помогаешь! – бормотал он, качаясь, словно пресловутый бычок на доске. Сходство усиливалось раздутыми ноздрями и мутным взглядом исподлобья. – Хороший ты пацан. Я вот тоже жене твержу: людям надо помогать! Что людям нравится? Пиво! А к пиву что нужно?

– Водка, – предположил Синекольский.

Ляхов озадаченно повернул голову. Шаткое равновесие нарушилось, и он начал медленно заваливаться назад. Димке вспомнилась картинка, нарисованная им же в учебнике истории: Ленин, при развороте зашибающий бревном трех рабочих. В последний момент он удержал сторожа от падения.

– Малой, а соображаешь, – одобрил Ляхов. – Не, не водка. Тут у нашего государства мо-но-по-лия! – Последнее слово он выговорил по слогам и вдруг взвыл диким фальцем. – Падут ли я? Стрелой пронзенный!

– Тише, Алексей Иванович!

– Раки! Раки нужны к пиву. Я ей твержу-твержу, а она... «Дребедень, – говорит, – ты, дурень, затеял. Не выживут они там у тебя, передохнут». Что бы понимала! Я же их не сразу туда... Сначала в садок, а из садка уж, помолясь, запускаю... Это называется – а-дап-та-ци-я. Эх! Для людей тоже нужная штука.

Когда добрались до места, Димка соврал, что бабушка велела ему ждать хозяйку снаружи, и попытался всучить Ляхову полтинник.

Сторож обидчиво фыркнул, посоветовал мальчику засунуть деньги себе в одно место и пошел прочь, бормоча о людской неблагодарности.

Димка же занес свой груз в подъезд, доволлок до пятого этажа и даже ухитрился втащить на чердак. Из последних сил расстелив его, мальчик упал сверху и поклялся, что если Белка не оценит подвига, он задушит ее шпагатом от ковра.

Николай Белкин заметил мальчишку и сторожа на середине их пути. Белкин был трезвый и злой. Он пошел за ними, держась поодаль, ведомый не столько любопытством, сколько надеждой прижать этих двоих к ногтю.

Когда Ляхов, избавившись от своей ноши, завернул за пятиэтажку, он лицом к лицу столкнулся с Николаем.

Ляхов недолюбливал Белкина. Красивый мужик, но какой-то гнилой. Нутро порченное. Даже выпивать с ним в од-

ной компании – и то тошно.

– Что, экспроприация? – подмигнул Николай.

– Че-го?

– Ковер, говорю, украли?

Сторож с достоинством выпрямился.

– Бабаньке помогли дотащить куда надо.

– А куда надо?

– Мое какое дело? Да и не твое.

– Эх, Алексей Иванович, Алексей Иванович... Нету в тебе пытливости ума.

– Катись ты... с умом.

Ляхов обогнул Белкина и пошел прочь. Даже этот короткий разговор вышиб его из того благодушного состояния, в котором он пребывал. «До чего все-таки сволочной мужик... Пытливости, говорит, нет! Бабу свою лупит смертным боем. Девчонка ихняя зверьком глядит. Тьфу, глаза б его не выдали».

Жен в поселке били многие, Николай не был исключением. Ляхов рассуждал так: пару раз, если забылась, можно поучить... Однако регулярно ей харю расквашивать – тоже не дело.

В Белкине ему чудилось что-то отталкивающее. Никто этого не замечал. В Русме он прижился очень быстро, во всех компаниях стал своим. Но Ляхов улавливал какую-то странность. Вроде говорит человек правильные слова, а смысл у них исковерканный. Как уж у него это получается – бог

весть.

А еще рядом с Николаем Ляхову все время казалось, будто у того изо рта воняет мертвечиной, словно Белкин полакомился дохлой кошкой. Глупости все это, ничем не пахло, разве что мясом с луком — а вот поди ж ты, и двух минут поблизости простоять не мог.

Задумавшись о Николае, Ляхов забыл о том, с чего начался их разговор. Вскоре происшествие с ковром начисто выветрилось из его памяти.

Тем временем Белкин выждал немного. Зашел в подъезд, обошел три лестничные площадки, принося ухом к каждой двери. Он нутром чувствовал во всей этой истории со старухой Синекольской какой-то подвох. Внезапно наверху что-то скрипнуло и раздались шаги — Николай едва успел спрятаться за мусоропровод.

Димка Синекольский пробежал мимо, не заметив его.

Проводив пацана взглядом, Николай хмыкнул и поднялся на пятый этаж.

Там он обнаружил лестницу и чердачную дверь с навесным замком.

Белкин провел пальцем по ступеньке и задумчиво посмотрел на чистый палец.

Всех отпустили из школы вовремя, кроме Димки с Олей. «Белкина, Синекольский, оставайтесь писать контрольную».

Плохо не это, а то, что потребовали записку от родных, поскольку оба в оправдание прогула сослались на туманные «семейные обстоятельства».

– Бабаня меня сожрет, – уныло говорит Димка.

– К Марине зайдем, попросим ее написать!

– У твоей Марины почерк как ишак нассал...

– Много ты видел ишаков!

Они огибают спортивную площадку и останавливаются.

Школа в Русме хорошая, отремонтированная на деньги какого-то благодетеля, который учился здесь много лет назад. Средств хватило и на небольшой стадион, по которому в теплое время года школьники наматывают круги под окрики физкультурника. Сейчас на дорожке толпится компания: шестеро парней и между ними – толстая девчонка.

Оля узнает ее с первого взгляда.

Это Маня, внучка старухи Шаргуновой.

Маня учится в их классе, но она старше, потому что дважды оставалась на второй год. Первая кличка ее – Маня-дура. При взгляде на Маню в голову приходит не просто «толстая», а «мясистая». Она крупная девочка с плечами пловчихи, глубоко посаженными голубыми глазами и вечно по-

луоткрытым ртом. Щеки и лоб у нее очень белые, цвета детской присыпки, а нос розовый, пористый, словно приставленный от другого лица, и за эту особенность она получила второе прозвище – Маня-Пудра.

Три поколения Шаргуновых живут в одном доме, три поколения женщин. Старшая – высохшая Зоя, которую так боится Оля. Ее дочь – Галина, голосистая баба с необъятными бедрами и пергидрольной завивкой. И младшая – Маня, рожденная неизвестно от кого.

– Давай, Пудра! Жарь стометровку!

Это Женька Грицевец. Руки демонстративно засунуты в карманы, вроде как он и пальцем не дотрагивается до Мани. Любому понятно, кто здесь главный.

– Не побегу-у-у-у!

Маня пытается отойти, но ее обступили кругом и не выпускают.

Бег Пудры – это постыдное зрелище. Маня способна подолгу лежать, глядя в одну точку и не меняя положения. В такие минуты в ней проявляется что-то величественное, как в божке, созерцающем свой пупок. Но бегущая Маня, виляющая толстой попой, Маня, взвизгивающая при каждом шаге, словно в ее ступни вбиваются колючки, Маня, прижимающая ладони к низу живота, будто вот-вот обмочится, – эта Маня вызывает чувство неловкости у каждого, кто видит ее страдания.

Физкультурник давно махнул на нее рукой и автоматом

ставит тройки. Так же поступают и другие учителя. Галину не раз просили забрать дочь из школы. Маня способна сорвать урок, начав распевать песни пронзительным голосом. Она пугает малышей. Иногда на нее *находит*, и тогда Маня носится по классу как полоумная, сшибает с парт учебники, пляшет, выкрикивает грубости и хохочет во все горло. Синекольский в таких случаях говорит: «Пудра рассыпалась».

Галина отказалась наотрез. «Куда я ее дену? Здесь она под присмотром. А если хату мне спалит? Она же ду-ура!»

Временами Маня пропадает. Шляется неведомо где, барабанит в окна и рушит парники. Может уснуть в чужом огороде среди капустных кочанов. С наступлением темноты старуха Шаргунова выползает ее искать. «А по мне, так пусть сдохнет! – кричит ей вслед Галина. – Куда ты, старая плесень, прешься на ночь глядя? Зачем она тебе?» Когда беглянку приводят домой, Галина сладострастно лупит ее по белой физиономии.

– Давай, Пудра! Шевели булками!

Маня едва плетется. Толчки и тычки в спину заставляют ее выйти на дорожку. У Грицевца, неторопливо подошедшего сзади и явно наслаждающегося своей ролью, в кулаке неведомо откуда возник тонкий прут.

– Уникальное зрелище! Только для вас! Дрессура коровы! Раздается громкое ржание.

– Есть желающие потискать вымя?

Оля с Димкой переглядываются.

– Пошли отсюда, – говорит Синекольский. – Не наше дело.

Больше всего Оле хочется последовать его совету. Весь этот спектакль разыгран для них. Травля Пудры – занятие сомнительное и явно не из тех, благодаря которым имя Грицевца будет внесено в список заслуженных хулиганов школы. Все закончится тем, что толстуха упадет и станет извиваться на асфальте, заходясь в пронзительном вопле. Но Димкина бабушка в приятельских отношениях с Зоей Александровной. Пудра обязательно доложит, что в школе ее обижали, а Синекольский глазел вместе со всеми и не заступился за нее. Дура-то она дура, но чтобы наябедничать, много мозгов не нужно.

– Козел! – цедит Димка. Он тоже отлично понял замысел Грицевца. – Гондон штопаный. Хрен тебе, а не драка.

Он оборачивается к Оле и замечает, что взгляд у нее странный: сосредоточенный, погруженный в себя и какой-то больной.

Димка не может знать, что в эту минуту его подруга видит не глупую Пудру, а старуху, слепо шарящую ладонью по тротуару. Незначительный этот эпизод разросся в ее мыслях до масштабов преступления – быть может, потому, что никуда не деться от тягостного сравнения: мать, ползающая по кухне в поисках очков, слетевших после отцовской оплеухи, и Шаргунова, пытающаяся собрать конфеты. «Я здесь ни при чем! – твердит себе Оля. – Я ее не била!»

Но ее слишком сильно обожгло коротким происшествием. Незримое клеймо – знак принадлежности к тем, кто способен хладнокровно отойти от упавшего, – не дает ей покоя.

– Белка, – говорит Синекольский, – ты чего?

– Н-но, Пудра! – кричит Женька. Прут вспарывает воздух. – Пошла, родимая!

Пудра бежит, взвизгивая от страха, за ней мчится, улюлюкая и хохоча, вся компания. Забыт Синекольский, послуживший причиной этой травли. Теперь это чистая, радостная, незамутненная охота, игра молодых волков с отбившейся от стада овцой. Щеки горят, в глазах азарт. Каждый тянется хлестнуть Пудру по голым ногам, дать шлепка по отвислому заду.

– Пу-дра! Чем-пи-он!

– Не надо! – хнычет Маня.

– Йе-ху!

Маня пытается свернуть с дорожки.

– Лови ее, народ!

Подростки бегут все теснее, плечом к плечу, кажется, они вот-вот затопчут глупую неуклюжую Пудру. Девочка в страхе пытается вильнуть в сторону, спотыкается и с криком летит на асфальт. Вокруг нее стягивается плотное кольцо. Травма у овцы – не повод прекратить развлечение.

– Подбили «Мессершмитт»!

– В попу раненный боец...

– Ползет пускай! По-пластунски.

Внезапно маленький снаряд врзается в толпу.

– Отвалите от нее! Пошли вон!

Оля расталкивает подростков с такой решительностью, что отставший от нее Димка даже слегка притормаживает от удивления. «Все, точно навалиют!» – обреченно думает он в первую секунду. Потом видит лица окружающих ее парней и понимает, что не навалиют. Всеобщее помрачение схлынуло. Они сами не понимают, зачем издевались над дурочкой.

– Финиш! – командует Оля. – Соревнование закончено! Победили красные.

Кто-то косится на красные тренировочные штаны Грицевца, и вокруг раздаются смешки.

– Ты не слишком раскомандовалась, Белка? – прищуривается он.

– С фашистами переговоров не ведем, – чеканит Оля.

– Это кто тут фашист? Офигела?

– Программа Гитлера «Тэ-четыре», она же «Операция Тиргантерштрассе-четыре», – вступает Синекольский. Он старается говорить тоном диктора с телевидения. – Официальная программа по уничтожению лиц с умственной отсталостью. В общей сложности убито около ста тысяч человек. Расовая гигиена, все дела. Верной дорогой идете, товарищ Грицевец!

Димка встречается с Женькой взглядом и понимает, что этого Грицевец ему никогда не простит.

– Придурки! – сплевывает тот. – Пошли отсюда.

Его компания медленно расходится. Остаются Димка, Оля и стонущая на земле Пудра.

Синекольский переворачивает ее и присвистывает: колени у Мани разбиты в кровь и губа, кажется, прикушена. К тому же она ухитрилась порвать юбку.

Димка с Олей переглядываются. Обоим понятно, что если отпустить Пудру домой в таком виде, ей достанется еще и от матери.

– Маня, вставай.

– Не встану!

– Вставай, кому сказано!

– Отстань от меня! Не трогай!

Пудра всхлипывает и подвывает от боли и обиды. Лицо в соплях, руки в грязи. Она такая жалкая и противная, что больше всего им хочется бросить ее на стадионе.

– Повели ее ко мне, что ли, – вздыхает Оля.

– Повели, – вздыхает Димка.

Дома Оля в двух словах объясняет, что произошло.

– Господи, бедная девочка, – говорит мама.

– Надо перекисю, – говорит отец.

Оля думала, он рассердится. Отец терпеть не может чужих детей в доме. Даже Димка бывает у них крайне редко, лишь тогда, когда она твердо уверена, что родители не появятся в ближайший час. Но сейчас он качает головой, и лицо у него огорченное.

– Бедная девочка, – сокрушенно повторяет он. – Как тебя зовут?

– Маня...

– Мария, значит. Хорошее имя.

Мама спохватывается, что у нее подгорят котлеты.

– Ты иди, Наташ, – говорит отец. – Мы сами справимся.

Он отводит все еще хнычущую Пудру в ванную комнату. Достает перекись и мазь. Он говорит с ней ласково, как с маленьким ребенком, и в голосе его интонации, которых Оля прежде никогда не слышала. Папа умывает дурочке лицо и не сердится, когда Пудра чихает в его подставленную ладонь, оставляя в ней, как потом скажет Димка, полкило отборнейших соплей. Ни брезгливости, ни отвращения: он споласкивает руки, вытирает Манину заплаканную мордашку.

– Вот так, потихоньку... Никто тебя больше не обидит. Смотри, сейчас перекись немного пошипит – и все. Чшшшш! Это она тебя так лечит.

Перекись вскипает пузырьками, попав в рану. Маня сначала вскрикивает, но затем успокаивается и даже смеется. Ей нравится этот большой курчавый человек, который так заботлив с ней. Она уже забыла о том, как ее гнали по стадиону.

– Голодная? – заботливо спрашивает отец.

– Меня бабка заругает. Домой надо.

– Наташа, давай дадим девочке что-нибудь с собой поесть. Хоть яблоко, что ли...

– Пирожок дам. С капустой, – говорит мама, появившись в дверях.

Оля ловит ее взгляд. «Вот видишь! – говорят сияющие мамины глаза. – Я же рассказывала тебе, что на самом деле он очень добрый».

Маня приподнимает край разорванной юбки.

– Лелька, тащи нитку с иглой, – командует отец.

Оля стремглав мчится в комнату. Отец тысячу лет не называл ее Лелькой. Это ее детское имя, и в девочке вдруг оживает давно забытая радость от его возвращения с моря. Он привозил розовую жвачку, из которой можно надуть пузырь размером с кулак, фломастеры, от запаха которых свербило в носу, магнитик на холодильник. Глухую ненависть, въевшуюся за полтора года жизни в Русме, на несколько секунд вытесняет огромная любовь – новая, юная, вспыхнувшая из пепла старой. От этого Оле хочется выть. Или раздвоиться, и пусть одна Оля ненавидит его, а другая любит. Или поранить себя, разбить колени и перемазаться в грязи, чтобы он смотрел на нее с такой же нежностью, как на Пудру, и разговаривал тем же заботливым тоном.

Но если маленькая Оля Белкина чему-то и научилась, так это держать себя в руках. Выигрывают хладнокровные, как говорит Синекольский. Димка обычно оказывается прав.

Хотя вот с голубем...

Впрочем, сейчас не до голубя. Оля возвращается с маминей шкатулкой для рукоделия. Папа подбирает нитку в цвет

Маниной юбки и не слишком умело, но старательно штопает порванную ткань.

Пудра окончательно успокоилась. Она выпрашивает конфеты, хитро косится на Олю и просит, чтобы ее еще раз полили перекисью.

– Что за мальчишки ее обижали? – спрашивает отец.

– Мы не знаем, – врет Оля.

Он с сомнением качает головой.

– Ладно. Давай-ка, девочка, я тебя доведу до дома. Иначе бабушка твоя опять будет с ума сходить. Натаха, садитесь ужинать без меня.

– Да уж дождусь, – с притворным недовольством бормочет мама.

Но Оля видит, как она рада. И сама готова обнять и глупую Пудру, и даже уроды Грицевца.

Когда за папой закрывается дверь, мама зовет их обоих за стол.

– Господи, вкусно-то как, – мычит Димка, жуя вторую котлету. – А можно мне добавки?

– Разжиреешь, как Пудра, – шепчет ему Оля. – Кстати! Слушай! А ты чего это про Гитлера понес?

– Я понес? Ты первая понесла! Я подхватил! Как ты вообще про него вспомнила?

– Да я просто хотела почву выбить из-под ног этого уроды.

– Табуретку ты у него выбила, – говорит Димка. И смеет-

ся, вспоминая ошарашенное Женькино лицо. – Расовая гигиена! Ха-ха-ха! Гиена!

Оба хохочут.

– Ладно, пора мне, – солидно говорит Димка. – Сокола моего надо кормить. Тетя Наташа, спасибо за котлеты, очень вкусно было!

– Приходи еще! – откликается мама.

Еще вчера Оля сказала бы, что это приглашение – чистая формальность. Но сегодняшний случай с Пудрой что-то изменил. Это понимают и мама, и Оля, и даже Синекольский.

– Обязательно зайду! – искренне откликается он.

Глава 5

Греция, 2016

1

– Гаврилов был прав, – сказал Бабкин.

Он выглядел даже более измученным, чем Илюшин. Они с Яном успели побеседовать почти со всеми обитателями гостиницы, не считая персонала и пары англичан, ранним утром уехавших на экскурсию.

– Она действительно как сквозь землю провалилась. Если только кто-то из них не врет.

Илюшин рассеянно кивнул.

– Ты слышал, что я сказал? – спросил Бабкин, стараясь подавить нарастающую злость.

Последние три часа он провел в разговорах с людьми, искренне желавшими ему помочь. Это стремление в сочетании с их полной неосведомленностью вылилось в эффект благожелательного роя трутней: никто не способен был принести пыльцу, но гул стоял знатный.

В другое время Сергей проявил бы терпение. Происшествие действительно было из ряда вон выходящим. Неудивительно, что все возбуждены.

К тому же он знал: даже простой любопытствующий может, сам того не подозревая, оказаться прекрасным свидетелем. Люди часто не отдают себе отчета в том, что они видят. Отель небольшой, постояльцев немного, все приглядываются друг к другу... Его работа заключалась в том, чтобы сунуть палочку в бак, где летают почти невидимые полупрозрачные нити сплетен, и вытащить наружу плотный ком сахарной ваты. Факты!

И где они?

Фактов не было.

«Она ни с кем особенно не общалась. Только здоровалась и улыбалась».

«Очень милая женщина с огромным фотоаппаратом – я все время думал, как ей тяжело его таскать».

«Уверена, она просто решила остаться в Греции и сбежала. Здесь такие красивые мужчины! Ваши русские мужья не очень внимательны к женам».

Выслушав двадцать подобных версий, Бабкин начал свирепеть. Все эти доброжелательные люди откусывали по кусочку от его времени и сил, ничего не давая взамен.

Пара новобрачных, для которых Ольга делала праздничную фотосессию, улетела две недели назад. Сергей разузнал их номер и позвонил очень удивленным ребятам в Москву, но и те не смогли пролить свет на исчезновение. С Гавриловой они познакомились в социальных сетях. Списались, встретились, понравились друг другу – и забронировали но-

мера в одном отеле.

– Подождите, она должна прислать нам обработанные фотографии! – озабоченно сказала юная жена. – Как же теперь нам быть? Знаете, это очень нехорошо с ее стороны!

Этот рефрен Бабкину уже изрядно надоел. Да, Гаврилова поступила нехорошо. Так же нехорошо, как редакторы, помещающие в журналах кроссворды без ответов на последней странице.

Лучше всего это сформулировала сухопарая немецкая старуха в красной бейсболке.

– Так все-таки бедняжка умерла? – требовательно спросила она у Сергея.

Бабкин ответил, что именно это он и пытается выяснить. Немка осуждающе покачала головой.

– Знаете, в моем возрасте уже хочется определенности.

– Ян, спроси, что она имеет в виду.

Та устремила на Сергея недовольный взгляд.

– Хотелось бы услышать финал этой истории до того, как я сама отброшу копыта.

Ее слова стали последней каплей. «Устроили, понимаешь, развлечение!» – рычал про себя Бабкин, возвращаясь в номер.

Его ждал еще один удар.

Зайдя в холл, он увидел себя издалека в большом зеркале – громадную нелепую фигуру в красных пятнах, выглядывшую так, словно его закидали помидорами. Чертова рубаш-

ка!

А теперь и Макар не слушает его отчет.

– Ян, где здесь можно купить одежду? Нужна рубаха.

– Э-э-э... В городе. Два часа езды. У вас нет другой, да?

От сочувствия, выразившегося на лице мальчишки, Бабкину захотелось его придушить.

– Жена чемодан собирала.

Красноречивая ухмылка дала понять, что думает Ян о мужчинах, которым жены собирают вещи в поездку, и о мужьях, которые доверяют такое ответственное дело женщинам.

– Мне нужно еще раз осмотреть номер Гавриловых, – внезапно сказал Макар. – Ян, ты с нами.

В комнате вопреки заявленному намерению Илюшин не стал ничего искать. Он сразу подошел к окну.

Петр Гаврилов мутным взглядом следил за ним из кресла. Возле его босых ног стояла пустая банка колы, но Бабкин заподозрил, что их клиент все-таки достает спиртное, несмотря на запрет.

– Ян, что это за дом?

– Где?

Илюшин обернулся так резко, что юноша отшатнулся.

– А вот это сейчас был очень плохой вопрос, – сказал Макар, не сводя с него глаз. – Из этого номера виден один-единственный дом. Для начала, других в округе просто нет.

– В нашей деревне сто пятьдесят восемь домов...

– Деревню отсюда не видно, – оборвал его Илюшин. – И ты не можешь об этом не знать. Кто там живет?

– Андреас Димитракис. – Кажется, Ян обиделся. – У него жена и дети. И две козы.

– Кто он такой?

– Рыбак. И еще выращивает на продажу фрукты всякие, овощи, маслины... Как все у нас. Хозяйство ведет, оно у него большое. Роза домом занимается.

– Черная, тощая?

– Вы ее видели?

Яну не удалось скрыть встревоженность.

– Допустим, видел, – медленно сказал Илюшин. – А что? Парень покачал головой.

– Ян!

– Они странные, – выдавил тот после долгой паузы. – Я у Андреаса рыбу покупаю для кухни. И помидоры. Не знаю... Странные.

Больше Илюшину не удалось ничего добиться.

– А ведь она ради него сюда приехала! – внезапно сообщил Гаврилов гнусавым ноющим голосом. – Ради этой поганой горелой хаты!

– В каком смысле? – изумился Макар.

– На фотке увидела, еще в Москве. На каких-то стоковых своих фотосайтах. Какое, говорит, великолепное уродство! Торчит, говорит, как стервятник на цветущей акации! Поехали, говорит, туда! И бры... бро... брачующихся своих

уговорила на этот дрянной отель, три звезды, гуляй, рвани-на! Потому что ей вте-мя-ши-лось! – Он постучал согнутым пальцем по лбу.

– Она его фотографировала? – вмешался Сергей. – Почему ты раньше молчал?

Гаврилов широким презрительным жестом отмел не только вопрос, но, кажется, и сам факт существования Бабкина.

– Там забор, – сказал он, обращаясь к Макару. – Ничего не видать. А дом – ну, самый обычный дом, только обгорелый. Лажа! Соображаешь? Кидалово! Ты за ней тащишься в эту проклятую дыру, где даже пожрать нечего... Лишь бы девочка радовалась! А тут – бац, облом! Но ничего, она и без дома нашла себе... развлечений...

– Каких развлечений? – вкрадчиво спросил Илюшин.

Гаврилов запрокинул голову на спинку кресла, отвесил нижнюю челюсть с неровным рядом желтых зубов, и откуда-то из глубины его обмякшей туши вырвался на поверхность звериный храп.

– Слушай, а нам аванс уже перевели, да? – с тоской спросил Бабкин. – Может, вернем?

Илюшин не ответил. Не обращая внимания на спящего Гаврилова, он взял с подоконника бинокль и приложил к глазам.

– Ого!

– Ты чего?

Макар уставился на окуляры:

– Вот это техника...

– Покажи-ка!

Бабкин забрал у него бинокль, подкрутил колесико фокусировки, и расплывчатое черно-синее пятно вдруг раздробилось на неестественно четкие фрагменты и собралось снова, теперь уже в цельную картину.

Сергей восхищенно присвистнул.

Дом, о котором твердил Илюшин, оказался облицован тусклым темно-коричневым камнем с явными пятнами сажки, – похоже, первый этаж когда-то горел и никто не позаботился уничтожить следы пожара. Из плоской крыши торчали арматурные прутья, в углу виднелся объемный бак. Окна были наглухо закрыты ставнями.

– Дай сюда! – потребовал Макар.

Бабкин молча отмахнулся. Дом не показался ему интересным, но завораживала сама возможность молниеносно перенестись из комнаты отеля в чужой быт. Казалось, протяни руку – и дотронешься до забора.

На скамейке сидела пожилая женщина в платке, перед которой стояли две миски: она зачерпывала что-то из одной и пересыпала в другую. По двору бродила коза; поискав, Сергей нашел и вторую, дремавшую под раскидистым деревом.

– Серега! Отдай!

– Да сейчас, сейчас! Вуайерист хренов...

Он сфокусировался на лице старухи, некоторое время рассматривал его, а потом протянул бинокль Макару.

– Сколько здесь по прямой, как думаешь?

– Километра два, не меньше.

– Нефигово пробивает. Тяжеленный, правда, собака!

– Я говорил, она за птицами охотилась, – укоризненно бубнил сзади Ян. – Искала, где они гнездятся, а потом с камерой забиралась туда. У нее ноги были расцарапаны из-за этого. И синяки.

– Я там кое-что заметил... – Илюшин обшаривал взглядом окрестности. – Нет, отсюда не видно, деревья закрывают.

– А что?

– Какой-то летний домик, похоже. Я сначала решил, что сарай, но потом солнце отразилось от стекла... Скорее всего, окно распахнулось от ветра. Зачем в сарае окно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.